

ВЕЩАЛЬНОЕ

ЕФИМ БЕРЕНШТЕЙН

ЕФИМ БЕРЕНШТЕЙН
ВЕЩАЛЬНОЕ

ЕФИМ БЕРЕНШТЕЙН

ВЕЩАЛЬНОЕ

(шестая книга)

Тверь
СФК-офис
2024

УДК 882
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Б 48

Беренштейн Е. П.

Б 48 **Вещальное (шестая книга)** / Ефим Беренштейн; сост.
А. Г. Степанов, ред.: А. Г. Степанов, Р. Е. Кузина. – Тверь:
СФК-офис, 2024. – 208 с.: ил.

ISBN 978-5-91504-094-5

Собрание произведений поэта, переводчика, филолога, культуролога Ефима Беренштейна (1957–2022) составили авторская книга стихов, пьеса в стихах «Дюймовочка» – шутливая переделка сказки Х. К. Андерсена, переводы поэтических текстов Э. Э. Каммингса и Ф. Б. Лонга, избранная проза. Публикуемые тексты – репрезентативная часть художественного наследия автора, позволяющая составить впечатление об основных особенностях его таланта.

Книга адресована знатокам и любителям поэзии, профессиональным читателям, студентам и магистрантам филологических факультетов, а также всем, кто ценит в литературе богатство форм авторского самовыражения.

УДК 882
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-91504-094-5

© Беренштейн Ефим, автор, 2024
© Беренштейн Ефим, графика, 2024
© «СФК-офис», оформление, 2024

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ И О НЕЙ САМОЙ

Эта книга нуждается в поясняющем предтексте, и вот почему. У неискущённого читателя по прочтении авторского предисловия может возникнуть мнение об авторе как о человеке неуравновешенном, невоспитанном, к тому же одержимом манией величия. А это не так. Просто боль, тоску, неустроенность он скрывает под маской «проклятого поэта», *enfant terrible*. Его выпады – следствие ранимости и беззащитности, которые проступают сквозь нервный, отчаянный слог. Дон Кихота в лирическом герое не меньше, чем Гамлета, и будет жаль, если за мизантропией автора читатель не почувствует мучительной тоски по идеалу. Когда-нибудь этот идеал воплотится, но не в России, где, вопреки этическому принципу И. Канта, человек всегда был не целью, а средством, вечным Венечкой, пока мир стоит.

Имя Ефима Павловича Беренштейна (1957–2022) хорошо известно в Твери и хуже – за её пределами. В обыденном сознании поэтическая Тверь – это прежде всего Андрей Дементьев и Михаил Круг (Воробьёв). Куда бедному еврейско-русскому полукровке с фамилией Беренштейн (от немецкого *Bernstein* – «янтарь») до них, бронзовых памятников, установленных в центре города! Литературный путь Ефима Павловича лежал в стороне от официоза и дворовой лирики, что не мешало ему создавать ангажированные тексты, руководствуясь позицией одного из пушкинских *alter ego*: «Не продаётся вдохновенье, / Но можно рукопись продать». Что до неконъюнктурных стихов, серьёзных и «дурашливых», то они, наряду с переводами Е. П. Беренштейна, появлялись в альма-

нахах и антологиях «Нестоличная литература: поэзия и проза регионов России» (Москва, 2001), «Легко быть искренним. По следам IX Московского фестиваля верлибра» (Москва; Тверь, 2002) и др. Последняя подборка – в русско-немецком альманахе «Доминанта» (Мюнхен. 2023. № 2). Проза, местами довольно рискованная, с элементами натурализма, публиковалась мало. Разделы из прозаических текстов завершают авторские поэтические книги «Ещё вещей» (Тверь, 2004) и «Вещества» (Тверь, 2006). Четыре небольшие «вещи» вошли в «Антологию ненаписанных текстов» (Москва; Тверь, 2021). Несколько рассказов были озвучены автором на «Страшных чтениях» в Твери.

«Недооткрытость» Ефима Павловича – во многом результат его моцартианства, с которым плохо уживалась практичность. И хотя гуманитарную учёность Фима (так звали его близкие и друзья; «Фиму» он включил в четверостишие, завершающее пятую книгу стихов: «Этот ряд проходим мимо – / Глина да камень. / То, что называлось “Фима”, – / Лишь местоимение») пытался обратить в реальный или символический капитал, всякий раз выходило по Д. Хармсу: «Люди... повторяют мои слова, удивляются моим поступкам, а денег мне не платят». Не будучи аскетом по мироощущению и по поведению, Фима оставался бессребреником, черпая главное богатство – культуру – из книг. Ему было не по себе в унылом брежневском и в мрачном путинском времени, в богоспасаемой Твери, в университете, где разделить восторг от стихов Велимира Хлебникова, Алексея Кручёных или Эдварда Эстлина Каммингса могли, мягко говоря, не все. «Зачем я всё это знаю?» – не без кокетства вопрошал он, нуждаясь в аудитории и в признании.

Аудитория собиралась на Ефима Павловича в основном в Тверской библиотеке имени Горького. Он приходил туда с книгой Теофиля Готье или Шарля Бодлера (приносил разные издания, чтобы сравнить переводы), а дальше происходило удивительное. Фима не читал лекцию, сопровождая её презентацией с картинками, но рассказывал о поэте так, будто знал его лично, был очевидцем событий и сейчас восстанавливает его духовную биографию.

Никаких домыслов, только факты; где фактов не доставало, комментировал лакуны, прибегая к свидетельствам современников, интерпретации текстов. К счастью, эти выступления записывались на камеру и доступны в Сети.

Шестая поэтическая книга Беренштейна с рисунками автора вполне эстетская. Ефим Павлович виртуозно владеет ритмической клавиатурой стиха. Представлены все пять классических размеров в их нетривиальных формах: неравностопный песенный хорей («Вот такая ерунда / Пусть тебе приснится, / Как журчит в реке вода, / Как поёт синица...»), полноударный ямб, стилизованный под наив («я так тебя любил – пока / я так тебя любил – привет...»), короткий анапест, подслушанный у любимого И. Ф. Анненского в «Снеге» («то что грезилось раем / твоё тело в дыму / всем назло мы стораем / ни к чему / ни к чему»), длинный амфибрахий – ритмический знак гумилёвского «Жирафа», пародийно «разжалованного» в домашнее парнокопытное – зоологическую эмблему Твери («... Ты видишь, ты слышишь: по улицам нашей Твери / Изысканный бродит козёл»), длинный дактиль с мужскими и дактилическими окончаниями, навеянный музыкальным стихом символистов («Лунные “зайчики” – мраки в ночи. / Алые гроздьи углей догорающих. / Ночь. Тишина. Только сердце стучит, / Адски пылая и адски пугающе...»). Есть примеры верлибра – медитативного («как только умерли наши дети...»; «я был юным...» и др.) и печально-ироничного («Ты зачем, мил человек, плачешь?...»).

Вообще, «валяние дурака», «глумотворчество» – важная черта лирического субъекта Беренштейна («я всё валяю дурака / тебе в ответ / тебе в ответ»). Надевая маску шута, скомороха, «придурка», по его собственному слову, он подрывает напыщенную серьёзность упорядоченного мира, ставя под сомнение «традиционные ценности». Фима хорошо чувствовал фальшь и демагогию официальной культуры, находясь с ней в стилистических разногласиях. Отсюда ориентация на практику обэриутов («Бог на полочке в шкафу / Бог на тумбочке в углу...») и – шире – классический авангард, дополненный знанием французского и русского символизма.

Разыгранное под стать Б. Пастернаку («Пока я с Байроном курил, / Пока я пил с Эдгаром По») приятельское отношение к предшественникам (см. посвящение) определяет собственную позицию: я из числа гонимых, отверженных, презирующих добродетельность, послушание, успех и т. д. Чарующий П. Верлен, требовавший от поэзии «музыки прежде всего» (*De la musique avant toute chose*), назван «придурком», а Ф. Вийон – «ангел воющий» и «разбойник небесного клира» (О. Мандельштам), добивавшийся от поэзии «движения прежде всего» (*Du mouvement avant toute chose*), именуется не иначе как «мэтр» (*maître* – «учитель», «наставник»). Меняя местами высокое и низкое, Фима отвергает догматизм социальной иерархии. Для него, как для О. Уайльда, нет книг нравственных и безнравственных: есть книги, хорошо или плохо написанные. Неофициальное и непрофессиональное, с привкусом блатной романтики, идущей от тюремной поэзии (поклон Ф. Вийону), предпочтительнее умело рифмованной публицистики, проповедующей нравственность и государственность. Отсюда интерес к фигуре М. Круга (Ефим Павлович был составителем и автором предисловия его книги стихов) и неприятие поэзии А. Дементьева.

О. Мандельштама, которым Фима, по его признанию, был «заражён», он также записывает в «раздолбай». А как иначе? В «Четвёртой прозе» потомок «овцеводов, патриархов и царей» замечает: «Сколько бы я ни трудился, если б я носил на спине лошадей, если б я крутил мельничьи жернова, – всё равно никогда я не стану трудящимся. Мой труд, в чём бы он ни выражался, воспринимается как озорство, как беззаконие, как случайность». Следуя романтической концепции искусства, Фима мыслил себя в одной компании с «Осипом», мэтром Вийоном, Ш. Бодлером... Что это за компания, мы знаем из «Поэтов» М. Цветаевой: «Есть в мире лишние, добавочные, / Не вписанные в окоём. / (Нечислящимся в ваших справочниках, / Им свалочная яма – дом)». О значимости для Ефима Павловича Марины Ивановны говорят отсылки к её текстам. «Око емлет окоём» звучит как отголосок «Крысолова»: «– Око – ём! / Грань из граней, кайма из каём!..» <... Рожи

ражие – посмотри. / Интернетовый интернат» перекликается с «Читателями газет»: «Кто – тещ? Старик? Атлет? / Солдат? Ни чёрт, ни лиц...» Стихотворения объединяет инвариантная сюжетная ситуация: поэт наблюдает в вагоне читающих пошляков. У Цветаевой они обезличены чтением газет, у Беренштейна – зависимостью от смартфонов: вместо лиц – головы («Чья-то срубленная голова. / Я не живу в Твери»). Бытовая зарисовка становится символом отчуждения, мотивируя размежевание лирического «я» с миром «некультуры».

Помимо оригинальных стихов, в книгу вошли поэтические переводы Эдварда Эстлина Каммингса (Edward Estlin Cummings, 1894–1962) и Фрэнка Белкнапа Лонга (Frank Belknap Long, 1901–1994) – важная сфера интересов Ефима Павловича. Для него перевод не был «деятельностью», всегда – сотворчеством. Фима читал и говорил по-французски, но переводил только с английского, освоив язык ещё в школе.

Лирикой творчество Ефима Павловича не ограничивается. Феерична переделка «Дюймовочки» Х. К. Андерсена в маленькую стихотворную пьесу. Комизм перелицовки связан с ренессансной традицией трагедии, преобразованной в авторский синтетически-пародийный жанр: «Постпанк-опера по мотивам рок-балета Х. К. Андерсена на музыку Е. П. Беренштейна». Хулиганская «Дюймовочка» придётся по вкусу не только любителям абсурда, но и всем, кто ценит литературную шутку, игру со словом и с жанром.

Проза Ефима Павловича по преимуществу серьёзна и философична. В ней автор опирается (см. посвящение к первому рассказу) на опыт Ф. Кафки. Австрийский писатель одним из первых показал столкновение человека с бюрократической машиной, реальной и фантастичной одновременно. Цель «машины» – внушить человеку чувство вины, деморализовать его, уничтожив уважение к личности, веру в справедливость. Вслед за Кафкой Фима исследует природу страха, который делает нас беззащитными перед режимом. Рассказ «День» – остроумная и грустная вариация на знакомую литературную тему: встреча героя (у автора – героини) с дьяволом. Есть у Ефима Павловича образцы короткой прозы:

лирической («Про одуванчики»), метафорической («Стул»), пародийной («Конспект»). Замечательна повествовательная структура рассказов на мифологические сюжеты. Их герои – слегка осовремененные античные персонажи («Зачем», «Рассказ о конченом», «Дебри», «День IV»).

Фима не строил иллюзий относительно своего будущего и будущего своей страны, пытающейся любой ценой вернуть былое имперское величие. Интегрированный в европейскую культуру, он отвергал антизападную риторику как политическую пошлость и мракобесие. Он понимал, «по ком звонит колокол», поэтому нашёл для итоговой книги символичное заглавие – «Вещальное». В нём проступают заглавия предыдущих книг, чей семантический вектор, с большой долей вероятности, подсказан В. Хлебниковым («Из мешка / На пол рассыпались вещи»): «Вещи», «Ещё вещей», «Вещества», «Овеществлённость», «Вещение-вещание». Скреплённые корневой морфемой заглавия выстраиваются в «конспект» судьбы поэта, завершаясь автопсихологическим признанием: «Я уже научился лежать на спине, / Руки скрестив на груди». По сути, это трансформация гумилёвского: «Я к смерти готов». Готовность героя к смерти лишена смирения, она, по-гумилёвски, героична. Как сказано в финале рассказа «День IV»: «Море спокойно. Ничего не было. Никого не было. Остался смутный рассказ о человеке, сказавшем: “Не сдамся!”»

Сознавая, что выхода книги не застанет, Фима переслал рукопись некоторым друзьям и коллегам.

Вот Ваша шестая книга, Ефим Павлович. Она получилась достойным творением русского языка, неотделимым от европейской литературной традиции. Читайте её в Элизиуме своим летейским друзьям – Франсуа Вийону, Шарлю Бодлеру, Полю Верлену, Францу Кафке, Осипу Мандельштаму...

Александр Степанов

ОТ АВТОРА

Не ждите от этой книги хлюпающей сладкой слякоти.

Не я пишу книги: они пишут меня. У них есть ласковые зубы и цепкие лапы. У них есть мягкие глаза и железные лёгкие. У них есть теплящееся сердце. Я с ними – лицом к лицу. А вы все – вялые болевщики, приходящие с тёплым кислым пивом на заросший крапивой стадион. Вам надо глядеть на убогих кобыл, бессмысленно мчащихся по кругу, – пока не упадут от избыточной печали. Теперь аплодисменты.

Я жалею, что жил среди вас. Большой мрази, начиная со школьной скамьи, я и представить себе не мог. Самое смешное, что вы, глядя на себя в зеркало, привыкаете и даже влюбляетесь в собственные отражения. Вы не «образ и подобие» – вы выродки, забава многочисленных скучающих богов.

Да, я не люблю людей. Да, среди них я встретил очень немногих достойных, но они – воплощённые божества.

Я ухожу. У меня свои улицы. И ещё у меня есть русский язык – и он со мной разговаривает. Он спрашивает – я отвечаю. Громко. Шёпотом.

Очень древние греки придумали хорошее слово «калокагатия». Это про соответствие красоты снаружи и красоты внутри.

То же – и про уродство. То есть эстетика и этика – мертворождённые сестрёнки-близняшки.

Ребята, посмотрите на ту погань, которой вы поклоняетесь: Ленин, Гитлер – продолжить ряд «красавцев»?

Вы болтаете о всяких «истинах»; какая-то дура в виде масляного «кастрата» в галстук, который каждый вечер всех спасает от не-дай-бог-чё-кто-подумает-супротив-и-мы-им-всем-чтобы, торжественно улыбаясь каждой своей изречённой, банальной до тупости «истине», ю(у)родствует.

Столь же масляный «красавец», убедительно превративший великую страну во всемирное посмешище, сделавший величайшую державу страной воров и бомжей, последовательно уничтожает наше (не его!) национальное и историческое культурное достоинство. Крым, конечно, изначально – наш, но ведь, помимо маленького Крыма и гигантского моста, в стране есть ещё несколько человек, которые тихо дохнут от голода и безнадеги.

Я уйду, и на моих улицах я обязательно встречу с теми, кто мне дорог.

Я уйду от вас – чтобы вы знали: моя книга – достойное творение русского языка, и я с ним прощаюсь. Ненадолго. Там я продолжу разговаривать. Мне есть с кем.

ПРОЛЕГОМЭНЫ
К ПРОМЕЖУТОЧНОМУ ТЕСТАМЕНТУ

*Посвящается собственной памяти
о многочисленных встречах
с мэтром Франсуа Вийоном,
с придурком Полем Верленом
и прочими раздолбаями,
а уж с Осипом-то...*

* * *

Всякому своя стезя.
Это так несложно.
Совершать грехи нельзя.
Отмолить невозможно.

Свою душу не спаса,
Заплутаешь в чаще.
Выраженье «быть нельзя»
Очень подходяще.

В этом сумрачном лесу
Волки да пантеры.
Ищешь девицу-красу,
А найдёшь мегеру.

Нос крючком, с одним зрачком,
Пясть почти что птичья,
Ходит косо – всё бочком,
Но коса – девичья.

«Много ль натворил грехов?» –
Голос в тембре альта.
Может, Бог и впрямь таков –
Кто ж его видал-то?

Ты не брат мне, не жена,
Чтоб вопросы ставить.
Много ль грешен – до хрена,
Да не про тебя ведь.

Что бы я ни вытворял,
Тут же песни пелись.
И прилюбы сотворял.
Ах, прилюбы, – прелесть!

А у водочки чисты
Глазаньки умильные.
Как великие посты –
Мне житьё обильное.

«Мне отмщенье – аз воздам».
Счас зайдусь кондрашкой!..
Ну и что это ты там
Прячешь под рубашкой?

Гвоздь? Топор? Сучкастый дрын?
Серу? Оцет? Смолы?
Ты не бойся. Я – один.
И, как видишь, – голый.

Запакованная клеть
Утопает в плачах.
Мне тебя бы пожалеть.
Не грусти, палачик.

* * *

предоставьте тело
иль хотя бы ту часть
что узнать хотела
про свою про участь
на господнем пире
суд уже не страшный
так как в этом мире
есть лишь день вчерашний

колесом под горку
на знакомый дворик
задницей – под порку
шеей – под топорик

как въездная виза
прописные строки
потому что в них за-
коны и пророки

баловень судебный
стой себе не горбясь
вот вам непотребный
мой *habéat corpus*

* * *

все окружающие боги
боги смерти
и если мы веруем
то только
в смерть
единственную
неизменную
необманную
томящуюся
властвующую
туманную
величественную
«будьте как боги»
какая каверзная
правда
в этой лжи
в этой лжи-зни

* * *

я так тебя любил – пока
я так тебя любил – привет
я всё валяю дурака
тебе в ответ
тебе в ответ

на том конце материка
где нет тепла и света нет
я всё валяю дурака
тебе в ответ
тебе в ответ

HUITAIN

С ветки на ветку, с ветлы на ветлу, –
В воду, – и вот они, «зайчики»-блики!
Если танцуешь на этом балу,
То позабудь о судьбе Евридики...
Лунные «зайчики» – мраки в ночи.
Алые гроздья углей догорающих.
Ночь. Тишина. Только сердце стучит,
Адски пылая и адски пугающе...

СВОЁ

коснусь – живое
задумаюсь – призрак
у нас с тобою
такая харизма

коснусь – не бомба
не холод – слякоть
с тобой о чём бы
мне покалякать

всё получаем
чего не было
баранки с чаем
да с жару с пылу

вкусил – коснулся
задумал – морок
заснул – проснулся
уже за сорок

коснусь – живое
ворчит клеветет
в комнате двое
я и вещи

* * *

вот она
нелепица
выкуси-ка на́-ко-ся
и снежок не лепится
и не дёрнуть за́ косу

что-то ты
болезня
стала невнимательна
постоять над бездною
очень увлекательно

ни цветов
с гвоздиками
ни страстей под вязами
танцы с Евридиками
противопоказаны

связью
что ли
сотовую
словно дурью
маяться
а глядишь –
лицо твоё
размывается

* * *

так светло
что пустота
ходит тихим шагом
от креста и до креста
робко по оврагам

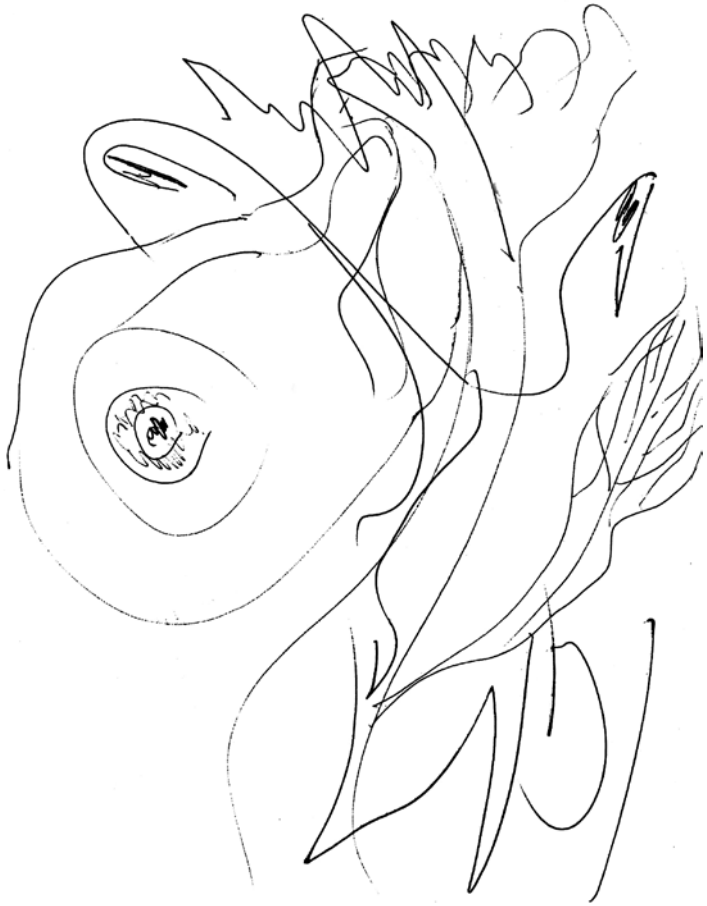
так светло
что замело
чёрных птиц увечья
где-то теплится тепло
чьё-то человечье

так светло –
пошли, пошли –
времена не терпят
от земли и до земли
от любви до смерти

так светло
переплывём
может быть
утонем
око емлет окоём
радости синоним

так светло
благая весть
звук из телефона
значит где-то кто-то есть
неопределённо

так светло
как будто ад
плещется огнями
я ни в чём не виноват
перед вами

* * *

бесконечно дымится
ей – наверно – болит
шестикрылая птица
под названьем Лилит
не духовною жаждой –
светлой плотью томим –
ты предстала однажды
словно дым
словно дым
то что грезилось раем
твое тело в дыму
всем назло мы сгораем
ни к чему
ни к чему

* * *

Я люблю смотреть, как умирают дети.

В. М.

как только умерли наши дети
мы тоже умерли
позднее
поодиночке
с проклятьями
друг другу
а дети
живут другой жизнью
им хорошо
и нам
уже тоже
одиночество
оно
не больно
расширяющаяся
пустота
когда
уже некого любить

* * *

дурочка дурявая
говорит впротык
слева ручка правая
клянчит золотых

и поёт и молится
дура всех дурей
улица околица
нехристь да еврей

ластая по логову
шинами шурша
вот тебе убогому
вся твоя душа

* * *

в счастливое детство
уходят дети
а нам остаётся глядеть и
глядеть и
в то пространство
где наши дети
уже большие
уже чужие

* * *

четыре луны за окном
зелёная жёлтая
жёлтая
и жёлтая
всё об одном
тоскую
к какой из них шёл-то я?
фонарик
замёрз мотылёк
и пустят
и хлеб
и ночлег
прилёт
снег

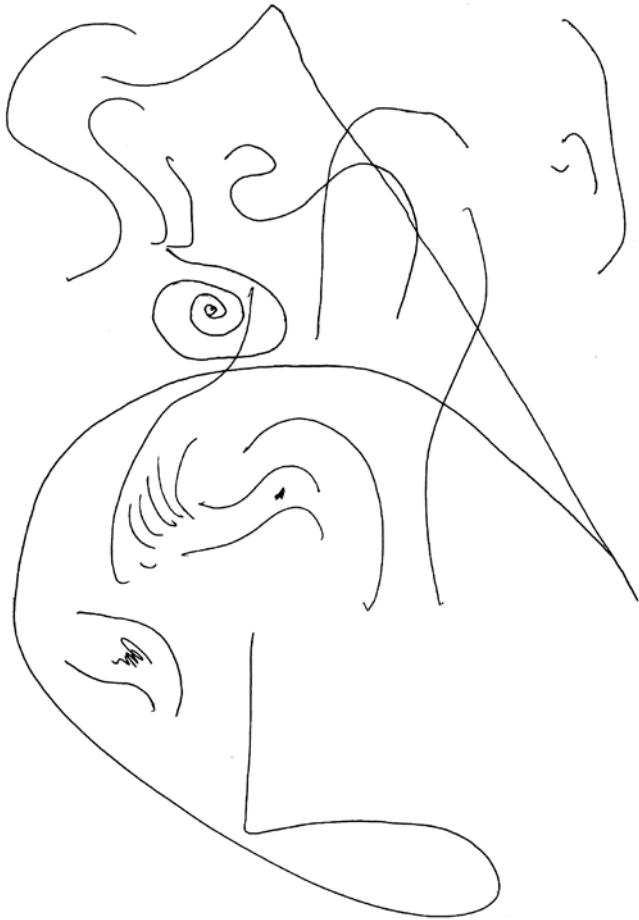
* * *

карандаш стирается
и бельё стирается
и бельё старается
стать ещё белей

ждёт ребёнок аиста
ждёт ушедший поезда
сука опровергнутая
ждёт кобелей

у меня стираются
карандаши
лёгкие стараются:
не дыши

облететь всю эту
одним глотком
а потом по лету
пешком пешком

* * *

человек имеет право
на «нехочется»
человек имеет право
на «отстаньте»
и важнее
не отечество
а отчество
и всегда вкусней конфета
а не фантик

* * *

за наброском
набросок
получается
хлам
5-6-7 папиросок
и с грехом
пополам

ах окурочек жгучий
после жгучих глотков
ах великий могучий
значит
вот ты каков

ах правдивый свободный
где-то бродишь впотьмах
ах ты нелюдь безродный
то ли жид
то ли лях

то ли в тойле
то ль в туле
то ли в теле с душой
мы с тобой прикорнули
на подушке чужой

остывает окурочек
аж вонять перестал
заполняет придурочек
собственный пьедестал

* * *

Ты зачем, мил человек, плачешь?
Такой большой человек – и плачешь?
Негоже.
Может, тебя обидели?
Может,
Нежданная удача?
Может, кто умер
Или отечественное кино про любовь посмотрел?

Ну, плачь, плачь.
Вижу – не баба.
Та –
То ревёт, то голосит.
А ты, мил человек,
Вижу –
Женщина.
Вот тебе и положено
Тихо так, невзрачно...
А что у тебя случилось?
Всё у тебя случилось.
Да только ничего.

* * *

Паровоз уже не гудит.
Отправляется на «раз-два-три».
И конечно, приедет, куда захотит.
Я не живу в Твери.

Зелень серая, как трава.
Забираясь, ноги утри.
Чья-то срубленная голова.
Я не живу в Твери.

Под-над Волгой, и Тьмакой, и над...
Рожи ражие – посмотри.
Интернетовый интернат.
Я не живу в Твери.

Так круг затыкается
На дерьме.
Хандрящие фонари.
Поезд уходит,
Себе на уме.
Я не живу в Твери.

Вокзал – базар – и вокзал.
Снаружи и изнутри.
По-моему, я сказал:
Я не живу в Твери.

* * *

я был юным
не был
был
наступает новый сезон
листья осыпаются
на холстах
и фальшивая река
бежит среди звёзд
как в театре –
выстрел
крик
разбитые окна
цель между
звуком и мыслью
между будущим и памятью о прошлом
а цветение...

* * *

Я поеду в дальний город,
Где никто меня не любит,
Где по улицам ушастым
Бродят ласковые люди.

Там темнеют летом звёзды,
Там цветущая крапива,
Там густой прозрачный воздух,
Да и ты там некрасива.

Город. Огород. Ограда.
Гроб. Гора. Грибы. Растенья.
Раз-два-три – попрыгать надо.
Паденье.

* * *

кто только ко мне
ни являлся и ждали
чтоб я им про счастье
про дальние дали
туда ли болтаться
туда ли сюда ли
вокзал
нет вокзала
мы все опоздали

ко мне приходила
с утра детвора
и все неизменно
кричали ура
их было так много
и все были счастливы
и здесь ли вы?
и счас ли вы?

и люди хотели узнать пожилые
на что они тратили годы былые
а что я отвечаю
скорей всего честно
вон там коридор
а за ним –
интересно

* * *

никто не остаётся
сереет скучно тень
и подлинно поётся
и пьётся целый день

красивыми словами
заполненный бардак
кто крайний – я за вами
да нет
совсем не так

я первый –
вы за мною
на встречу
к правежу
не прячьтесь за спиною
учитесь:
не дрожу

АГАСФЕР

Они не поняли.
Жид – вечный.
Прочее – клевета.
В вашей жизни – стерильной и быстрой –
Я не буду нести креста.

Горек удел его –
Нынче во славе
Для братоубийства воскрес.
Я один несу –
И я в своём праве –
Свой крест.

Я не стал участником злодейства.
Мне плевать на ваши обряды.
Кровожадные публичные действия.
Чтобы дети ещё были рядом.

Я брожу по земле. А кому ж ещё
Предписано свысока
Бродить без одежд и оружия
Вот так – налегке и слегка?

Сколько даром затраченных тел.
Вот вам шоу, ТВ, стадион.
Я единственный, кто не хотел,
Чтобы он...

* * *

я
тайком исключаю
электрический свет
поскольку
как мне говорят
он сто́ит
за деньги
твоё тело
светится
и ещё
у тебя есть
глаза

* * *

у меня за окном
поспевает метель
хотя нет ни окна
ни метели

у меня под окном
остывает постель
хотя нет ни хрена
ни постели

у меня пред окном
чащи розовых куш
хоть и тощи они
и ледащи

ах как радует эта
блаженная чушь
когда веруешь
в кущи и чащи

у меня
ну и что ещё есть у меня?
за холодной решёткой
пороша

ни слепого огня
ни прозрачного дня
ничего
кроме собственной рожки

* * *

*И лодка, волнами шурша,
Как крыльями...**

О. М.

И лодка, волнами шурша,
Как крыльями...
И у Харона ты, душа,
Под брылями.
Естественный отбор? Увы –
Искусственный:
Поел неведомой травы –
И в кустики...

И лодка, волнами шурша,
Как крыльями...
И что с тобой, моя душа,
Нарыли мы?
Сума, тюрьма, чума – дерьма-
-то съедено.
Когда по мне сошла с ума
Жена соседина...

И лодка, крыльями шурша,
Как вёслами...
А мне обол и два шиша
Ниспосланы.
Плыла ладья. Жевал гребец,
Урча и чавкая.
И лаял кто-то там с небес
Голодной шавкою.

* У О. Мандельштама «И лодка, волнами шурша, / Как листьями...» («Как тень внезапных облаков...», 1910). – *Прим. ред.*

И лодка, крыльями шурша,
Возносится...
А там отменно хороша
Многоголосица.
Уныло громко, словно драль:
Все стены – дырами.
Ты отпусти меня, апрель,
Просто – вырони.
И лодка, волнами шурша,
Как крыльями...

* * *

тихо тает сам не свой
уголёк
у него над головой
мотылёк
а над серой головой
мотылька
дым сереет чуть живой
уголька
а у дыма головы
нет как нет
и простыл уже увы
след

* * *

времена скучаются
раз-два-три
кофя-то
чаю-то
нос утри

жили-были-не-жили
жижи впрок
чаю-кофя
ежели
вдруг
порог

на ботинках пятки
на носках
соври
поиграем в прятки
раз-два-...

* * *

корявые корявые
почти как облака
кудрявые кудрявые
едва чуть-чуть слегка

и носятся и стелются
и где-то там спуют
не дуются
не делятся
кому куда приют

и нету про убогого
остановись

замри

без дырки норки логова:
взлетай лети пари

* * *

я тоже жил среди
я тоже жил в среде
господи
погоди
круги на воде

не полюбил среду
а уж потом четверг
скоро
я скоро
уйду
зря
ты меня отверг

повторяются дни
притворяются днём
господи
обмани
синим своим огнём

гол
не ворота
врата
и осиновый кол
суета всех сует суета
как и был
неприкрыт
то есть гол

*

под лежащий камень
вода
подлежащее к слову
«смеркалось»
ни еврейской звезды ни креста
уморительно-вечная малость

* * *

Звёздочек в небе чистом –
Бисером ткань расшита!
Хорошо быть артистом:
Столько смертей прожито...

Птичка сидит на ветке.
Ей бы всё каркать, дуре...
Как хорошо быть метким:
Ну ты попал, в натуре!..

Солнышко светит ясно.
Ах ты, туман над рекою!..
Жизнь, говорят, прекрасна.
Только что это такое?

Долг платежом
Чёрен.
Дрын палачом
Красен.
И результат бесспорен.
Ясен.

Порок ли, порог ли:
Избыточная забота.
Проклят
Во имя кого-то.

* * *

*Le Bestiaire,
ou Cortège d'Orphée
Apollinaire*

кортеж Орфея
лупанарий
заложен нос
дрожит струна
и столько
неприглядных
тварей
как только
замолчит она

кортеж Орфея
блядь на бляди
кузьма кузьмич
отменных лет
несут афине
и палладе
какой-то ржавый
пистолет

кортеж Орфея
руки в боки
устал плясать
пойти вздремнуть
Орфей
безмерно одинокий
свой скорбный
продолжает путь

* * *

шумит:
шумит
постоянно
монотонно

московское метро
некрасиво

ору:
с тобой...

шёпчешь:
следующей станции

ну и выходим
с пересадкой

люди
вёкáми
ищу
пересадку

КОЗЁЛ НЕУТЕШНЫЙ

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд...

Н. Г.

Раскрой свои уши, родная, и очи протри,
Но взгляд твой не столько печален, а попросту зол.
Ты видишь, ты слышишь: по улицам нашей Твери
Изысканный бродит козёл.

Он плавно плывёт по просторам над Волгой-рекой;
Застыли алмазами в каждом глазу по слезе,
И не обретёт он никак вожаденный покой:
Томится он по дерезе.

Поникла его борода, словно спереди хвост;
Поникло всё то, что вверху, и всё то, что внизу.
Ни солнца не нужно ему, ни луны и ни звёзд –
Он хочет одну дерезу.

И ревность жужжит, как писклявый несносный комар,
И грустные мысли, как мыши, скребут на душе:
А что если с ней забавляется горный архар,
И луплена даже уже.

Козёл неутешный, ты умному слову внимли:
Взамен мы доставим, и это, поверь нам, всерьёз,
Французскую козочку с именем нежным Джалли –
Она – Анджелина Джоли среди коз.

Разрубишь тогда ты все гордиевы узлы,
Повесишь табличку в хлеву у себя на двери.
От смешанных браков родятся такие козлы,
Которых не сыщешь нигде – лишь в Твери!

ДЮЙМОВОЧКА

*Постпанк-опера по мотивам рок-балета Х. К. Андерсена
на музыку Е. П. Беренштейна*

СЦЕНА 1

Ж е н щ и н а:

Я безгрешна, я невинна,
Но мне хочется сынка.
Вот бы сделать Буратино
Иль хотя бы Колобка...
Нет уж – дочку непременно.
Ведь любой мужик – урод.
Дочка – это не полено,
А совсем наоборот.

СЦЕНА 2

К о л д у н ь я:

Я колдунья, я колдунья,
У меня зерно в мешке.

З е р н о:

Слушай, старая пердунья,
Не хочу сидеть в горшке.

Г о р ш о к:

Надо нам совокупиться,
Чтоб у нас родился плод.

З е р н о:

От таких, как ты, родится
Может, разве что урод.

К о л д у н ь я:

Хватит людям пудрить мозги –
Снова спрячу вас в мешок!

Ж е н щ и н а:

Вот вам сто рублей заморских
За зерно и за горшок.

СЦЕНА 3

Г о р ш о к:

Вот я оплодотворился,
И не больно ни чуток.

З е р н о:

Был зерном, а получился,
Как вы видите, цветок.

СЦЕНА 4

Ц в е т о к:

Участь горькая цветочка:
Мой конец безвременный.
Но у тётки будет дочка:
Я уже беременный.

СЦЕНА 5

Д ю й м о в о ч к а:

У меня талантов уйма.
Чья же буду я жена?
Хоть я ростом меньше дюйма,
Но красива и стройна.

СЦЕНА 6

С к о р л у п к а:

Я скорлупка грецкая,
Я кровать детская.

Г о л у б ы е ф и а л к и:

А мы-то голубые,
А вы банально жалкие.

Да, мы вдвоём такие:
Фиалка я – фиалка я.
Мы вроде одеялок
Из голубых фиалок.

Розовый лепесток:
Мне родина – Восток.
Я – розы лепесток.
Ты с ними не дружись
И под меня ложись.
Я идеальный –
Пододеальный.

Дюймовочка:
Мне голубых и розовых не надо;
Меня ждёт в жизни лучшая награда.

СЦЕНА 7

Жаба:
У меня, у бедной жабы,
Много выдалось хлопот.
Мне сынка женить пора бы –
Он ведь только спит да жрёт.

Сынок:
Коáкс-коáкс-брекекекэкс!

Жаба:
Не квакай, лучше скушай кекс.

Сынок:
Коáкс-коáкс-брекекекэкс!

Жаба:
Колечко хочешь на руке-кс?

Сынок:
Коáкс-коáкс-брекекекэкс!

Ж а б а:

Пойдѣшь с Дюймовочкою в ЗАГС?

С ы н о к:

Коакс!

Д ю й м о в о ч к а:

Ведь он неряха из нерях
И весь в зелёных пупырях.

Ж а б а:

Сиди спокойно на листе
И не болтай о ерунде. (*Засыпает.*)

Д ю й м о в о ч к а:

Меня, надеюсь, кто-нибудь спасёт
И стебель под водой перегрызёт?

Р ы б ы:

Тот человек ужасно глуп,
Что говорит: у рыб нет зуб.
У нас, рыбей, полно зубей,
А у рыбов – полно зубов.
Вжик-вжик, ням-ням, клац-клац, хресь-хресь.

Д ю й м о в о ч к а:

Ой, лист поплыл, ой, я боюсь!

СЦЕНА 8

М о т ы л ё к:

Меня послушай, мотылька:
Это – волшебная река.
Такое разве что приснится:
За поворотом – граница.

Д ю й м о в о ч к а:

Шолом! Бонжур! Хау ду ю ду!
Здесь мужа я себе найду.

Здесь погоды райские
И жуки все майские.

Жук:

Я жук, я битл, я весь – бонтон,
Я Вами, барышня, пленён.
Не надо жу́чек и жучи́х,
Жё т’эм, май лав, ихь либе дихь!

Жучки и Жучихи (*осматривают*):

Нашёл убогую –
Смеюсь от пуза я!
Она двуногая
И карапузая.
На ней есть платъице,
На ней есть трусики.
Сейчас расплчемся –
Где ж её усики?
Небось, заразная
Эта ушастая,
И бледноглазная,
И волосастая.

Жук:

Пожалуй, что вы правы,
А может, и правы:
Она страшна, корява.
Ошибся я, увы.

СЦЕНА 9

Дюймовочка:

Ах, в полях нет больше троп.
Обветшал мой гардероб.
Мне снежинка – как сугроб,
А к сугробу рифма – гроб.
Я замёрзну и умру,
Если не найду нору.

Н о р а:

Я нора, я нора,
Я просторна и щедра.
Здесь живёт старушка-мышь.
Заходи, чего стоишь.

М ы ш ь:

Полю я повелеваю,
Потому что – полевая.
Если будешь мне служить,
Можешь до весны пожить.

Д ю й м о в о ч к а:

Я за доброту твою
Песенку тебе спою.
(Поёт.)
Майский жук, лети, лети.
Ходит по полю монах.
У него огонь в груди.
У него огонь в штанах.

М ы ш ь:

Скоро будешь ты мадам –
Замуж я тебя отдам.
Твой жених, хоть и урод,
Но весьма солидный крот.

СЦЕНА 10

К р о т:

Ты не будешь здесь ютиться.

Д ю й м о в о ч к а:

Крот, а что это за птица?

К р о т:

То ли чиж, то ли синица, –
Вдруг в хозяйстве пригодится.

Д ю й м о в о ч к а (*ласточке*):
Тебя я постараюсь оживить.

Л а с т о ч к а (*слабо*):
Кви-вить.

Д ю й м о в о ч к а (*оживляет*):
Будешь снова гнёзда вить.

Л а с т о ч к а:
Кви-вить. Кви-вить.

Д ю й м о в о ч к а:
Мошек клювиком ловить.

Л а с т о ч к а:
Кви-вить. Кви-вить. Кви-вить.

Д ю й м о в о ч к а:
Умчим с тобою за моря!

Л а с т о ч к а:
Кукареку, кря-кря!

СЦЕНА 11

Д ю й м о в о ч к а:
Дождь не льёт, и снег не сыпет.

Э л ь ф:
Потому что здесь Египет.

Д ю й м о в о ч к а:
Здесь ужасная жара.

Э л ь ф:
Потому что светит Ра.

Д ю й м о в о ч к а:
Все поля заколосились.

Э л ь ф:
Потому что здесь Осирис.

Д ю й м о в о ч к а:
Вы-то кто?

Э л ь ф:
Не видишь – эльфы.

Д ю й м о в о ч к а:
Сделаем с тобою селфи?

Э л ь ф:
Я здесь главный. Я король.
Замуж взять тебя позволю.

Д ю й м о в о ч к а:
Да! Из прочих кавалеров
Ты один моих размеров.

Э л ь ф:
Заживём с тобой в цветке
Мы на Ниле на реке.
И нашим главным утешеньем
Будет занятье размноженьем.

ФСЁ!

* * *

душ у Даши
Даша в душе
Даша в душе
тешит душу
туша Даши
вся наружу
Даша в душе
чешет тушу
туловищем
Дашка пышка
а росточком
коротышка
Даше душно
Даша пышет
Даша в душе
жарко дышит
Даша до ше-
стого пота
хлещет веником
чего-то
в дашьем душе
нет отдушин
туш(ь) для Даши –
много дюжин
в душе Даша
не тужись
и с духами
не дружись
станет Даша
пахнуть Дашей
мне хотя б
понюхать дашь, а?

Дашин душ
дас ист фантастиш
Даша
в душ
меня притащишь?
– Да, – ше-
пнёт из душа Даша
– Даш, а Даш, а
ты не дашь, а?
Чистенькая и мокренькая такая.

БАСНЯ

ДОИТЕЛЬ ИЗНУРЁННЫХ ЖАБ

Д.Б.

*Здесь отвратительные жабы
В густую прыгают траву.*

О.М.

у меня так мало
скорби на душе
шёл и пнул
упало
вот и нет уже

мне бы не спеша бы
дряни поперёк
тронул морду жабы
теперь прилёт

жаба жижей жижится
чавкая
жаба пузом пыжится
ласковая

ах у жабы листья
в цвету плоды
хоть ухмылкой лисьей
да бечь куды

жабе люб картавый
нечистенький
чтобы жабе славу
нести-сти-сти...
коряво

жаба вокруг себя
жаб собирает
в эту игру
я не играю

жаба как сыщик
мерзость
блевота
где-то отыщет
где-то кого-то

жаба жаждет подыхая
расплодиться
чтоб вокруг
бог весть
какая
жабьи лица

жаба размножится –
разножабиться
жаба не животное –
земнорвотное

жизнь была бы хороша бы
только очень много жаб

СТИХОТВОРЕНИЕ, СОПРОВОЖДАЮЩЕЕСЯ ВЕСЬМА ГЛУБОКИМИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫМИ КОММЕНТАРИЯМИ

Автор данного произведения совершенно случайно услышал из телевизора чудесный лозунг, гордо брошенный в эфир президентом: «Увеличим МРОТ!»

Автор очень долго не мог понять, что это за аббревиатура, но потом ему объяснили: это значит «минимальный размер оплаты труда».

У автора тут же родилось стихотворение (!):

У меня голодный рот (вариант: род) –
Дайте мне хотя бы МРОТ!

После этого наивный, но глубокомысленный автор задумался: если есть «минимальный», то должен быть «средний» и, наконец, «высокий».

Итак, что у нас получается:

МРОТ
СРОТ
ВРОТ

А теперь давайте попробуем с помощью элегантной лингво-косметической операции превратить эти три аббревиатуры в глаголы настоящего времени (*что делает?*), третьего лица (*он, она, оно*) и, естественно, единственного числа.

Вышло?

Правильно.

А вы ещё после этого говорите, что филология далека от жизни ...

ГИМН ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Я приехал к вам на танке,
Чтобы вас освободить,
Щупать титьки негритянки,
Ни копейки не платить!

Я у вас в командировке,
Чтоб порядок навести.
Распусти скорей шнуровки,
Ну, скорее, распустите!

Нас не звали – ну и что же?
Окажите нам приём.
Мы не всех вас уничтожим –
Лишь маленечко убьём.

Всё победней и победней
Шёл мой танк в стране чудес,
Чтоб устроить вам последний
И решительный... пи...ц.

Я сейчас сниму портянки
И начну, хлебнув вина,
Щупать титьки негритянки.
Здесь – свободная страна!

САМ ЗНАЮ

Городок зовут Ниёрк.
Там есть люди и дома.
Там есть кладбище, и морг,
И больница, и тюрьма.

Евро-амки в городке,
Негро-амки в городке,
Ази-амки в городке
Ходят хором налегке
Без штанов и в пиджаке.

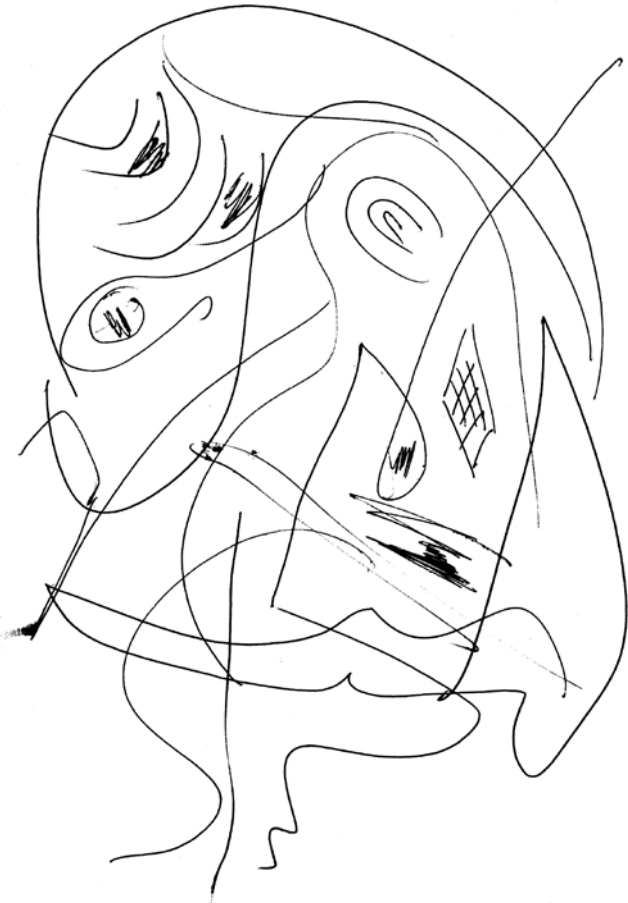
Есть в Ниёрке магазин,
И ещё раз магазин,
И четвёртый магазин
По продаже мокасин.

Городок всех победил,
Коммунистов победил,
И фашистов победил,
И трофеи прихватил.

Есть в Ниёрке москвичи
И машины «Москвичи»,
Перелётные грачи
И еврейские врачи.

Кто в Ниёрке не живёт,
Тот дикарь на дикаре.
Там у всех водопровод
И удобства во дворе.

Я в Ниёрке не живу
Ни во сне, ни наяву.
Ем траву, и пью траву,
И ещё курю траву...

* * *

Бог на полочке в шкафу
Бог на тумбочке в углу
Бог на стеночке прибит
Бог на столике с едой
Бог у кошки в конуре
Бог у беса на ребре
Бог в жужжащем комаре
Бог в помойной кожуре
Бог летает и парит
Бог метает и морит
Бог карает и корит
Бог чурает и журит

Вот какой бывает Бог
Гвозди забивает Бог
Кактус поливает Бог
Тёлок покрывает Бог
Если Вера значит Бог
Если Надя значит Бог
Если Люба значит Бог
Если Соня значит Бог
Как не верить что есть Бог
Я-то верю что есть Бог
Ты не веришь что есть Бог?
Нет, ты веришь, что есть Бог!

ИЗ

Из ада ли, из рая ли
Куда бы нам направиться?
Мы все живём в Израиле,
Кому-то даже нравится.

Кареты, платья балльные,
Усыпанные стразами...
Ах, дроги погребальные
С покойниками разными.

По суше, аки по морю,
По морю, аки посуху...
Бредёшь и шарить по миру,
Куда б воткнуться посоху.

...А трупы пахнут свежестью
Поближе к воскресению.
Тревожить их – невежество
Без веры во спасение.

Засасывает жижица,
А – посмотреть внимательно:
Там что-то даже движется
Возвратно-поступательно.

Посередине, с краю ли –
Тут как уж карта выпадет.
Мы все живём в Израиле
При коллективном выводе...

* * *

Пора бы забыть о своей старине –
Так много ждёт впереди!..
Я уже научился лежать на спине,
Руки скрестив на груди.

И молчать, не дыша,
И не клянчить гроша,
Потому что беда – не порок.
Наконец-то не знать, что такое – душа,
Потому что – какой в ней прок?

След дождя на стекле превращается в грязь.
Флегетон впадает в Коцит*.
Смутный лучик, застенчиво серебрясь,
Никуда уже не спешит.

* Здесь – авторская вольность. Флегетон на самом деле впадает в Стикс, а эта речка – уже в вышеназванное болото. Знаю – бывал.

* * *

Темна людская натура.
Вглубь её не залезу я.
Если «хрущёвки» – архитектура,
То и «дементьев» – поэзия.

* * *

американские сигареты
Salem
застенчиво ментоловы
зазеленить
благородный
козлиный смрад?
вялое присутствие
отступничества
тлеющей плоти
сухой травы
не те
не
ведóмые
пламенá

* * *

ласковая курица
шпарит мотылька
небеса лазурятся
так себе
слегка
прыскают снарядами
из пульверизатора
две наяды рядом
и
то-то
будет завтра
известь негашёная
и никем не гашенная
сука потрошёная
изнутри окрашенная
фалы и цефалы
отморозил пальчик
взлез себе на скалы
и чего там дальше
у столба дорога
у дороги чибис
восемь глаз
два рога
да ещё ключи
без
ласковой отвёртки
солнышко в зените
глажу против шёрстки
так и сохраните

ИЗ ЦИКЛА

Опять влюблён нечаянно некстати...
А. Кручёных

* * *

у меня всё тот же я сам
играю в ящик
ежедневно туда залетает
почтовый мусор
чтоб я им платил за игру
неизменно жду письма
с тёплыми дрожащими буквами
из-под твоей руки
знаю
что не дождусь
каждый божий день не дождусь

* * *

удивительно
длинное имя
восходящее
воспаряющее
зияющее
сияющее
таинственно
откровенное
неведомое
неведóмое
слово
в начале
склонилось
над омутом
быть
беде

* * *

комната осталась
пустой
ей плачется
она от рыданий
в плесени и тараканах
в математических
формулах
и загадках
самой главной
животворности
и всё
поздней
чем кажется

* * *

на бульварном кольце
жем
в углице на улице царевич чокнутый
парма в падуе впадает в палермо
ганновер
gun of war
game over
nomen omen
разнолиственные рощи
струящиеся к подножию

* * *

дерево
не летает
то машет то махает
своим многоперьем
иногда плакуче плачет
уже который год
его рубят и рубят

* * *

слёзы горючие
чистые как слеза
волосы золото
чистые как золото
голос застенчивый
чистый как застенок
застит тень
пологом
и видно
всё тише

* * *

что бывает добрым
дюжий ражий
дородный молодец
девица
сказавшая
зачем тебе
останемся просто
вино
в зелёном состоянии души
конь
с цыганскими зубами
пастырь
вспарывающий
козлиц
и козлят
утро день вечер ночь

СОNET

Какие затаённые глаза:
Две просветлённых пропасти; два ока
Раскинулись лучисто и широко
И озаряют красоту лица.

Лицо... Ни у поэта, ни певца,
Ни у ваятеля, ни у пророка
Не хватит сил, ни мудрости, ни срока,
Ни слов, ни нот, ни краски, ни резца,

Чтоб воплотить насмешливость бровей,
Задумчивость ресниц, печаль улыбки
И очертанья взглядов, что так зыбко
Блуждают между ивовых ветвей

И шелестят – чуть слышно – без конца –
Оттенки звука твоего лица.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Вот такая ерунда
Пусть тебе приснится,
Как журчит в реке вода,
Как поёт синица,

Как, склонившись над прудом,
Деревце колышется,
А потом, а потом
Пусть мой голос слышится.

Тёплый, нежный ветерок
Гладит твоё тело.
Пусть исполнится в свой срок
Всё, что ты хотела.

Полон радости твой дом,
И так сладко дышится...
А потом, а потом
Пусть мой голос слышится...

* * *

А про себя мне нечего сказать.
Пылинка на ветру, в глазу песчинка.
В мозгах комар командует: «Не спать!» –
И нудит про изделие из цинка.

И про тебя мне нечего сказать,
Лишь разве заклинанье при Сезаме:
«Откройся!» – открывается опять
И мрачно смотрит мрачными глазами

Очередное утро. Немота
Презрительно кривит его уста,
И про тебя оно не скажет тоже.

Но трепетно сквозящий образ твой –
Теплеющий, почти совсем живой –
С меня так ласково сдирает кожу.

* * *

Вот он –
Иов на гноище.
Сам, конечно,
Виноват.
Телом нищий,
Духом нищий.
Да и прочим
Небогат.

Вот он –
Иов на гноище:
Неумытый,
Без одёж,
Где-то шарит,
Что-то ищет –
Ну и чё ты там найдёшь?..

И два друга
С половиной
И с развесистой лапшой
Объяснят,
Что ты –
Повинный
Телом
Да ещё душой.

А Господь расправит плечи,
Торсом хвастаться начнёт.
И польются его речи,
Словно мямлит идиот.

Иов ковыряет корки;
Лопаются пузыри...
Вот – опорки.
Вот – подпорки.
Что снаружи,
Что внутри.

И куда уже податься?
Подступают холода.
Сдаться. Сдаться. Сдаться... Сдаться?
Никогда.

HEMHOΓO ΠEPEBODOB

ФРЭНК БЕЛНАП ЛОНГ
(Frank Belknap Long, 1901–1994)

Американский писатель, известный своими романами в жанрах хоррор, фэнтези и научной фантастики. Дружил с Говардом Филлипсом Лавкрафтом и входил в круг его почитателей и последователей (Роберт Блох, Август Дерлет, Роберт Э. Говард и др.). Наиболее известны его романы «Мозгоеды», «Псы Тиндала», «Ужас с холмов», «Пожиратели пространства». Лауреат ряда литературных премий в соответствующих жанрах.

Наряду с этим Лонг на протяжении всей жизни писал стихи, в которых органично сочетались история и фантастика, лирика и ирония. Написанные в несколько старомодной, «викторианской» манере, его поэтические произведения легки и обаятельны.

Я полностью перевёл его итоговый стихотворный сборник *In Mayan Splendor* («В блеске мая», 1977), куда он сам включил свои избранные стихи разных лет.

Вот несколько весьма репрезентативных стихотворений Фрэнка Белнапа Лонга.

РЫЦАРЬ ИЗ ЛАМАНЧИ

Сказал он: «Звёзды стали ниже.
Они, как знаки тёмных книжек,
Под аркой неба пребывают
И ясный свет луны скрывают.

Каким был, ты припомни, Санчо,
Свет давних лет над всей Ламанчей?
Там оборванцы за полушки
Нам предлагали безделушки.

Над постоянными дворами
Огни сверкали, словно пламя.
Мы что-то ели там и пили,
И нас ещё, случалось, били.
На жёлтых простынях, ты помнишь,
Тебя подбрасывали в полночь...

Тяжёлым было пробуждение.
То истина иль наваждение:
Над городом исчезли горы;
Они брели куда-то скоро
И разрушались – ряд за рядом...
И – тьма. И никого нет рядом».

ЧЕЛОВЕК ИЗ ГЕНУИ

Он, как и я, – из Генуи,
С улыбкой на устах.
Но грусть в нём неизменная,
Как в сломанных ветвях.
Задумчивый потупя взгляд,
Пожал мне руку вхруст...
Он был одет в такой наряд,
Что сам не разберусь.
Весь в золоте верблюжий плащ,
Плюмаж – с пером жар-птиц;
Ряд ожерелий так блестящ –
Аж слёзы из глазниц...
Бус карфагенских череда,
И тирские шелка,
И амулеты, что всегда
Спасают моряка...
В шкатулках из чужих земель
Неведомый дурман.
Его боится светлый Эльм
И злой Левиафан.
Греховно-сладкий Вавилон,
Где мил богатый гость, –
Там с Инда девочку взял он
За самоцветов горсть.
У странника из Генуи
Улыбчивы глаза,
Но грусть в них неизменная...
И вот он вдруг сказал:
«Просолены шелка водой;
Вдрызг – копья; шлем – худой,
Но я из Генуи родной
Прошёл весь шар земной.

У Мыса Бурь я предлагал,
Что мог, богам пучин.
В ответ – их смех, как будто шквал...
И вот – я здесь один.
Готов я золото продать,
Свои шелка, меха,
Чтоб снова плыть, чтоб открывать
Иные берега».

Я всё купил, и этот сор
Зачем-то я храню...
Но был подобен его взор
Нездешнему огню.

Затем он устремился в порт,
И вид был веселей.
Его корабль, красив и горд,
Средь прочих кораблей.
Зелёно-алых парусов
Трепещет в небе шаль...
Корабль к отплытию готов
В неведомую даль.

Арабы, негры – моряки
Со всех краёв земли.
Я видел взмах его руки –
И вот они ушли...

Путь на Восток – к тем божествам,
Чьё одеянье – свет,
К тем баснословным существам,
Имён которым нет.

Тот человек – он в мире грёз.
Где этот мир – бог весть!
Он золото моё увёз,
А я остался здесь...

ПИРАТЫ

Прошли – не счесть! – морей, земель.
С щетиной на щеках,
Теперь пьют эль – не только эль
В родимых кабаках.

Пусть их бранят, – им всё равно,
Что «крысы» говорят.
В их жилах плещется вино,
И солнцем полон взгляд.

И в каждом выпитом глотке
Полощется Борей.
И слышны зовы вдалеке –
К морям, в моря, морей...

Гляжу на них, и, словно бес,
Сверлит, сверлит висок...
Лазурь воды... лазурь небес...
И пальмы... И песок...

Прошли – не счесть! – морей, земель.
С щетиной на щеках,
Теперь пьют эль – не только эль
В родимых кабаках...

ВОЛХВЫ

«Родится царь – пора пришла» –
Они так говорили,
И тёрли руки для тепла,
И горький хлеб делили.
Под звёздным небом улеглись,
Накрыв себя овчиной,
И облака взмывали ввысь
Торжественно и чинно.
Серебряные облака
Богам подобны римским.
Манили звёзды свысока,
Но голос их был близким:
«Дитя для славы в мир грядёт
Зимой, ночной порою.
Он воцарится в свой черёд,
И нимб прекрасный расцветёт
Над светлой головою».
Звенели песне в унисон
Бубенчики пастушьи...
Один, с пророческим лицом,
Сказал, терзая душу:
«Не знать Израилю царя;
Века подобны пыли!..»
«Родился царь – пришла пора, –
Другие говорили. –
Да, он явился, наконец,
Чтоб мир устроить новый.
Но на челе его венец
Не царский, а терновый».
Под звёздным небом улеглись,
Накрыв себя овчиной.
И облака взмывали ввысь
Торжественно и чинно...

СТАРАЯ ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ ПО-НОВОМУ

Сэр Ричард Гринвил приказал:
«Вступаем в битву с приливом».
Лорд Говард против – он твёрдо знал:
Испанцы владеют заливом.

Всю ночь сэр Ричард спал и храпел.
Враги, конечно же, близко.
Испанских полсотни, он знал, каравелл.
Но он ведь моряк английский.

Наши двадцать судов – британский оплот,
А лорд этот Говард – трус.
Британский флот есть британский флот,
И я врагов не боюсь.

Лорд Говард топнул тощей ногой
И дал приказ отступить.
Но Ричард Гринвил послал нас в бой,
И мы будем честно стоять.

Из глины сделаны их корабли,
А наши – из плоти и кости.
Им не достигнуть нашей земли
Со всей их испанской злостью.

Лорд Говард сказал: «Королеве отчёт
Я дам о таком пораженье».
Сэр Ричард скомандовал: «Судна – вперёд!
За нами, за нами сраженье!»

Сэр Ричард гордо встал за штурвал
И протяжно свистнул два раза.
И тут же боцман к нему подбежал,
Как будто бы ждал приказа.

«У испанцев пятьдесят два корабля;
У нас – теперь лишь один.
Но у нас за спиною наша земля,
А у них – только мрак глубин.

Галеоны испанцев стройны, высоки,
А наш невелик собой...»
Но вот он – взмах капитанской руки,
И завязался бой.

Гринвил смеялся: его корабль
Шнырял меж испанских судов...
И мы их топили, и было не жаль
Потопленных гордых врагов.

Сэр Ричард смеялся, когда сорвало
Выстрелом шляпу с него:
Как же испанцам не повезло –
Против него одного.

У них что ни офицер, то дон
В золоте и с кружевами.
У нас же единый морской закон:
Просто сражаться с врагами.

Сэр Ричард видел, как гибнет матрос,
Но, позабыв боль и стоны,
Стрелял он, как истый британец, без слёз,
В испанские галеоны.

Да, бой был неравным, но можно ль назвать
Сражение пораженьем?
Испанцы с себя стали шляпы срывать
И преклонять колени.

И понимали они, чёрт возьми,
Почувствовав, может, отчаянье:
Не стоит сражаться с такими людьми,
Имя кому – англичане.

ЭКЗОТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ

Развились волосы, печаль в глазах –
Смерть распростёрлась ночью на песке.
И красная змея у ней в руке;
Над ней фламинго реют в небесах.

Её искал я в юные года.
Туманные моря нас брали в плен.
Мы повидали Острова Сирен
И золотых грифонов – иногда.

А гребни волн мрачней день ото дня.
И в молчаливой муке я мечтал,
Чтоб галеон мой к той земле пристал,
Где Смерть обнимет ласково меня...

ПРЕДВИДЕНИЕ

Я не увижу той луны, где тёмные плоды,
Где медоносные сады сияют и манят...
Но в этом мире, где есть ты,
Где есть волшебный яд,
Я поднимаю свой бокал
За прелесть твоих щёк,
За то, как я тебя алкал...
Ещё... ещё...

СТАНЦЫ,
ПОСВЯЩЁННЫЕ МАЭСТРО ФРАНСУА ВИЙОНУ

Лысый, беззубый,
Убийца и вор, –
Зачем о нём помнят до нынешних пор?

Подлый обманщик,
Хам и нахал
От правосудия вечно сбегал.

Даже друзья – с соплём на носу
Его выдавали
За несколько су.

Ждал его дьявол
С поганым «хи-хи».
...Но мэтр Франсуа
Писал стихи.

И никакая античная Лета
Не вырвет из памяти образ поэта.

ЖЕНИТЬБА
СЭРА ДЖОНА ДЕ МАНДЕВИЛЛА

Под золотою крышей
Толпились женихи.
Король Бродяг – всех выше,
И взмах его руки

Смиряет сто гобоев
И барабанный гром,
Когда он пред толпою
Является верхом.

Смотрите – перед нами
Сэр Джон де Мандевилл.
Богатыми дарами
Он всех нас удивил.

И пылкость его речи,
И жар в его очах...
Он говорил о встречах
В неведомых краях.

«На пальцах – колокольцы
У живших среди скал;
В носсах продеты кольца,
И страшен их оскал.

На листьях жухлых спят они,
В пещерах мрачных спрятаны.
Заметив вражеских костров огни,
Ушами грозно хлопают они».

Сэр Джон замолк и губы облизнул.
Народ столпился около него.
И вмиг замолк многоголосный гул:
Ему внимали все до одного.

«На землях Гога и Магога,
В восточной сумрачной земле,
Живут стада единорогов,
Резвясь в туманной серой мгле.

Там люди гадки, как инкубы,
У каждого – собачий хвост.
Размером в пол-лица их губы,
И жалкий карликовый рост.

В морях приливы там бывают –
Таких здесь встретить не смогли б.
И на песке там догнивают
Останки золотистых рыб.

Я в землях был, где малыши
Рождались бородатыми.
Они смеялись от души
Над прочими ребятами.

Они питались молоком
И яйцами грифона.
Их речь была сплошным стихом, –
Скажу определённо.

Я амазонок ублажал –
Красавиц, нравом строгих.
Им было убивать не жаль
Детей своих убогих.

В Египте древний сфинкс дремал,
Но вы поверьте, право, –
Когда к нему я прискакал,
Он подмигнул лукаво.

Я видел голову без тела;
Она лежала на траве
И что-то ела, ела, ела, –
Как всё вмещалось в голове?

Беседовал я с Кубла-Ханом
И с королями царства тьмы.
С пресвитером же Иоанном
О Боге рассуждали мы.

Я видел: журавли взлетают
На золотистый небосвод
Из мрачных мест, где лёд не тает,
Где ночь и холод круглый год.

Там нет людей, там край вселенной,
Там стелется густой туман,
И этот мир, немой и бранный,
Похож на дьявольский обман.

Я видел, как сатиры пляшут
Вдали от моря, в мире грёз,
И я держал большую чашу
Драконьих ядовитых слёз.

Ещё я видел очень близко
И Кракена, и птицу Рух,
И гиппогрифа с василиском,
И трёх ужасных грай-старух.

Я видел остров Наслаждений
И остров Сладостных Плодов;
Плавучий остров, в мрачной тени
Я видел остров среди льдов».

У сэра Джона речь прервалась;
Он на невесту бросил взгляд.
Она плясала и смеялась,
Её причёска развевалась;
Она – прекраснее наяд.

Сам рыцарь тоже рассмеялся
И заявил примерно так,
Что бросит – в этом он поклялся –
Лихой удел морских бродяг.

А на заре в высоком храме
Он был обвенчан вместе с ней,
И звонкими колоколами
Сопровождался праздник сей.

Хоть женихов толпился
Вокруг несметный рой,
Руки её добился
Сэр Мандевилл – герой.

ВЕЛИКАЯ АСТАРТА

«Умрёт Астарта» – так жрецы решили,
Укрыли трон её золотой в горах
И вместо хлеба дали дольний прах,
И вот скала, где быть её могиле.

Вернулись в город, полные азарта;
Закрыв ворота, изрекли слова:
«Теперь колдунья, наконец, мертва,
Мертва навек Великая Астарта!»

Но уходили юноши тайком
В те горы – и никто не возвращался.
А каждый жрец стал дряхлым стариком.
... И плач на улицах не прекращался.

СТАРУШКА РАССКАЗЫВАЕТ

Когда-то ведьмы танцевали –
Кутёж безбожный лих,
А на траве круги зияли, –
Знать, Дьявол среди них.

Когда-то феири здесь резвились –
Как лица их бледны!
Из подземелья каждый вылез
На красный свет луны.

Здесь трупов грешных легионы
Свершают свой обряд.
Глаза их – как чумы бубоны.
...А праведники спят.

Чтоб мёртвый грешник из могилы
Мог заново восстать,
Нужны здесь лишь такие силы,
Что Дьяволу под стать.

Проклятый Дух пронзает взглядом –
И тело оживёт.
Затем к магическим обрядам
Покойник перейдёт.

Бесстыдный пир в кривой избушке,
Где тварям нет числа.
Змеиный яд струится в кружки,
Повсюду – смрад козла.

И похотливые суккубы
Желаньями полны;
Их морды сини, алы губы,
И все они пьяны...

Когда-то ведьмы танцевали –
Кутёж безбожный лих,
А на траве круги зияли, –
Знать, Дьявол среди них.

ЭДВАРД ЭСТЛИН КАММИНГС
(Edward Estlin Cummings, 1894–1962)

Один из самых талантливых американских поэтов. Я продолжаю знакомить читателя со стихами этого автора*. Вот перевод цикла из блистательной книги *Tulips & Chimneys* («Тюльпаны и дымоходы», 1923).

Некоторые грамматические «странности» в тексте не следует считать опечатками. Так в оригинале.

ORIENTALE

I

я говорил тебе
с улыбкой а ты не
отвечала
твой рот как бы
аккорд алой музыки
Соблазна
О ты, неужто жизнь не есть улыбка?

я говорил тебе с
песнею а ты
не слушала
твои глаза как бы ваза
божественной тишины
Соблазна
О ты, неужто жизнь не есть песня?

* Несколько переводов из Э. Э. Каммингса опубликовано в книге:
Беренштейн Е. Вещение-вещание (пятая книга стихов). Тверь, 2017.

я говорил
тебе с душою а
ты не удивлялась
твоё лицо как бы мечта что заперта
в белом благоухании

Соблазна

О ты, неужто жизнь не есть любовь?

я говорил
тебе с мечом
а ты молчалива
твоя грудь как бы надгробие
нежнее цветов

Соблазна

О ты, неужто любовь не есть смерть?

II

моя любовь
твои волосы царство
 владыка родом из мрака
твой лоб цветов полёт

твоя голова гулкий лес
 где спящие птицы
твои груди улы белых пчёл
 роящихся на ветвях твоего тела
тело твоё мой милый Апрель
в твоих подмышках дышит приближение весны

твои бёдра белые кони запряженные в колесницу
 королей
они достойны возбуждения певца
между ними добрая песня

моя любовь
голова твоя шкатулка
там дерзкие драгоценности твоих дум
волосы на ней подобны воину
невиновному в поражении
твои волосы возлежащие на плечах
победоносная армия с фанфарами

твои ноги стволы мечтаний
плоды которых пища забывения

твои губы алые сатрапы
их поцелуи царственны

твои запястья

святы

они хранители ключей твоей крови
твои ноги возвышающиеся над лодыжками
цветы
в серебряных вазах

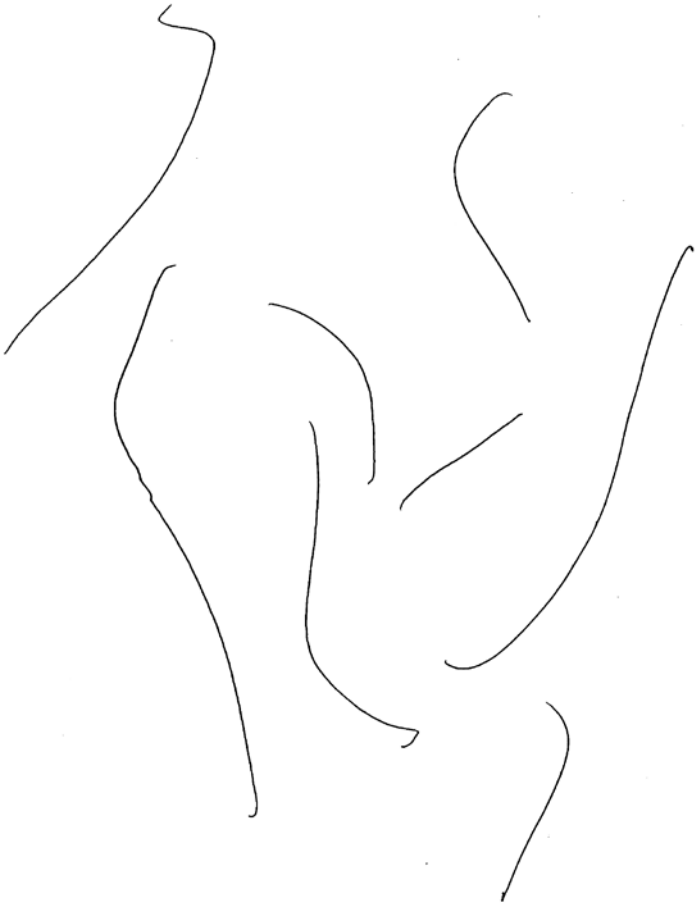
в твоих глазах неразрешимость дилеммы флейт

твои глаза измена колоколам
не знающим
что они там воспевают

III

послушай
любимая
я спал
стало ясно что ты думала
покинуть меня и стать огромной
лилией склонённой над
надменными
водами но я знал это

благоуханье и я прискакал верхом на
коне из порфира в те
воды устремил я красного
коня пронзительно крича из расколовшейся вдребезги
пены выхватил тебя и прижал к своему
рту
послушай
любимая
я спал в моём сне ты
хотела воспрепятствовать мне и стала
маленькой птичкой и спряталась
в высоком мраморном дереве
на своём пути издалека я распознал
пение и я примчался
верхом оседлав алый закат
растаптывая ночь легко
с потрясённой невозможной
башни я выхватил
тебя вытащил тебя
смешал тебя со своей кровью
послушай
любимая я спал
я думал ты могла обмануть
меня и стала бы звездой в королевстве
небес
сквозь дни и пространства я видел тебя вблизи
твои глаза и я примчался верхом
оседлав тысячу пунцовых лет скрюченный в агонии
я придержал их трепещущих перед
троном и пока
они пугливо пялились на осенённую луну из
ослепительной руки мрачного бога
я подобрал тебя
как яблоко что подбирают бедные крестьяне для своих дочурок

IV

тебе я
возжигаю благовония
чаша трескается
над мраком поднимаются багровые лучи
плавные извивы аромата
чаша
бурлит
трепетом звёзда
беспорядочность форм
восхитительных в неразличимости цветения
воздух
насыщен цветами соблазна
я думаю
ты любовнейшее благоухание
ведь в неясных чуть заметных стремлениях
медленные хрупкие восхождения
от твоей улыбки воспаряет безупречная
печаль
от твоих бегущих вниз
волос исходят трепетные литании
тебе я возжигаю
благовония, сквозь тусклый дым
мои губы напрягаются от
исступления моя сотрясающаяся грудь вдыхает
медленный
податливый
цветок
твоей красоты, моё сердце находит ту
кому
я
возжигаю
ладан

V

тощие свечи голодают в
тишине некий
смуглый бог
улыбается из зелёно-щебечущих

дымков от расколотых глаз
звук
задыхающегося сердцебиения и скотского
пресмыкания

руки скребут багровую
тем-
но-
ту

язычник
распростёртый в дрожащей тени
корчится

рыдая
от похоти

VI

1

император
спит в порфириновом дворце
который строился миллион лет
он прогуливается в паланкине
из яшмы под шафранными
зонтиками
на слоне
двенадцати футов высотой

за чьим ухом
всегда сидит повелитель
в короне вер-
тя
анкасом из
эбена
фонтаны императорского
дворца источают солнечный свет
и лунный и императорскому
слону тысяча лет

гарем
императора
украшен коврами из
золотой ткани
от потолка (один
алмаз робко
источает благоухание)
пятьдесят
мраморных
колонн
соскальзывают с неизмеримой
высоты, опускаются, пятьдесят, молчаливо

в благоухании вплетённом в прохладу луны

там трижды три сотни
дверей из резного халцедона и
перед каждой дверью по обнажённому
евнуху на страже
на их головах тюрбаны сотни
расцветок
в их руках ятаганы как факелы на ветру
каждый
из них
чернее чем забвение

дамы
императорского
гарема королевы
всей земли и кольца
на их руках из рудников
в милю глубиной
но тело
королевы королев
прозрачнее
чем вода, она нежнее птиц

2

когда император очень
любвеобилен он откидывается
на лучший диван из диванов и
манит
маленьким
пальчиком своей левой
руки
затем
трижды-три-сотая
дверь открывается самым высоким
евнухом и королева
королев проходит
вперёд
на лодыжках
музыкально звенят большие жемчужины
она носит в ушах королевства
у ног
императора играющий
на цитре сидит на корточках с
златотрепещущим
телом

позади
десять императорских
отборных воинов с
матово-нефритовыми телами
и подёргивающимися
веками
теребят
свои
возбуждённые
копья

королева королев танцует
её тонкое
тело колышется
вкрадчиво под золотой тканью
непрерывно создавая узоры внезапной
похоти
её
крадущееся тело рас-
точающее собирающее струящееся жмётСЯ
к
белому шипу
вожделения

напряжённая шея кифареда качается
в пыли призрачные воины
янтарь и похоть дышат
вместе император, напрягаясь
среди подушек кидает
драгоценные камни в королеву королев и
блестящие монеты в её наготу
он
кивает

и все
уходят сквозь растолчённый воздух трепещущий от жемчугов

ОНИ
ОДНИ
ОН МАНИТ, ОНА ВСТАЁТ ОНА
СТОИТ
КАКОЙ-ТО МИГ
В ПЫЛУ ПЯТИДЕСЯТИ
КОЛОНН
СЛУШАЯ
ТОГДА КАК КОРОЛЕВЫ ВСЕЙ
ЗЕМЛИ КОРЧАТСЯ НА ПЫШНЫХ КОВРАХ

PRO = ЗА
(ИЗБРАННОЕ)

Эпиграф:

*Я, я, я! Что за дикое слово!
В. Ходасевич*

Ещё эпиграф:

*Первоначально самки пахли
Цветочным илом...
А. Кручёных*

Снова эпиграф:

*Гонимый – кем, почём я знаю?
В. Хлебников*

Опять эпиграф:

*Мы с тобой не двое, –
Я с тобой один.
Ф. Сологуб (кажется; нет-нет, точно)*

Эпиграф, типа:

*Вращая ржавое кольцо...
Ф., тоже Сологуб (вроде бы)*

Вместо эпиграфа:

*Леди Годива, прощай... Я не помню, Годива...
О. Мандельштам*

Совсем не эпиграф:

*Буду дразнить об окровавленный сердца лоскут...
Чёрт-те кто написал...*

Ещё?

Теперь моё. Вот.

Нет ничего красивее букв – любых: это спонтанно живущие шедевры беспредметной графики, рожающие радостное предощущение гармонии. Иоанново Слово... Иолантова песенка... Исламский Аль-Хаттаб... Нотные капли дождя по бесчисленным клавишам листьев ... *И звёздное небо над нами...*

Несмотря на немислимую популярность моих стихов, моя проза известна несколько меньше. Хотя пишу я её в разных жанрах, будь то научные или газетные статьи, разного рода справки, анкеты, заявления, ответы на заявления на меня, отчёты о проделанной работе и т. д.

В этой книге моя литературная проза. Я не рекомендую её читать людям малообразованным, слишком юным и неопытным, а впрочем, и всем остальным. Вы встретите много разных слов, немислимых ситуаций, необъяснимых сюжетов. Вы добровольно вторгнетесь в тот мир, который не хотели бы сделать своим. Это мой мир. Красивый, страшный и непонятный. Я вас предупредил.

Любовь и печаль – мои главные темы. Кто не испытал ни того ни другого, тому и не надо... Спите. Угрюмо и светло бредут друг другу навстречу призраки любви и печали. Они встретятся. Они обязательно должны встретиться, даже если не будут в это верить. И расскажут друг другу о любви и печали. И опять – не услышат они друг друга. И опять – растворятся в вязком эфире, чтобы снова и снова неразумно искать друг друга и, найдя, не понимать, не понимать.

РАССКАЗ

Невыносимо гениальному Францу Кафке посвящается

Идёт человек по улице. Там много других людей, но они как-то мешаются: у них получается то медленно, то быстро, то в разные стороны, то стоя. Человек – в чёрном костюме, плюс белая рубашка, галстук, ботинки какие-то стильные и чищенные. Ясно, что спешит, но в его преклонные тридцать пять – тридцать семь лет бегать по многолюдной улице несолидно, особенно когда время подходит к минуте начала всеобщего героического трудового дня.

Опоздавший человек подходит к дверям той фирмы, где работает, предъявляет пропуск и без этого знающим его охранникам, устремляется на своё рабочее место.

Его там встречает директор фирмы. Она невысокого роста. Весьма мила: аккуратная, немножко пластмассовая, но всё же ухоженная чёрненькая причёска до плеч, цыганско-испанские глаза – крупные, длинные и какие-то вишнёвые по цвету, обворожительная приклеенная улыбка... Ниже – кривые, короткие, крепкие, толстые ноги в дорогах, испорченных этими ногами туфельках.

Улыбка ещё хуже голливудской.

– Мы с Вами прощаемся.

Она даёт ему конверт с логотипом фирмы, в котором, судя по всему, сумма выходного пособия.

Он кладёт этот конверт во внутренний карман пиджака, хочет что-то сказать: то ли «спасибо», то ли «пошли вы все», но безмолвно уходит.

Больно. Унизительно.

На улице люди какие-то. Ни к чему они сейчас. Чего-то надо сделать. В кино сходить? Два часа во мраке, как Прометей, прикованный к креслу, смотреть на скучные тени, которые размахивают руками и стреляют неизвестно зачем и в кого.

В музей? Туда, где пахнет пылью, половыми тряпками, органами и училками со школьниками? Туда, где со стенок смотрят на тебя с упреком никому не нужные тётки и дядьки в расфуфы-

ренных безвкусных одеяниях? Туда, где изображённые на полотне толстомясые бабы даже не косят под обнажённые натуры, а демонстрируют радость своего заработанного бессмертия? Туда, где насильно заставляют восторгаться совершенством побитого блюдца из Севра, Майсена или Конакова?.. Да ещё и ходить всё это и без того истоптанными ногами...

Время-то вроде раннее – нет полудня.

Он приходит домой, в свою однокомнатную квартирку. Там на кухне вечно орёт уставший от мороза холодильник. Там есть диван, телевизор, компьютер, стол и прочая невзрачная фигня. Телефон, конечно.

Он снимает костюм, бережно раскладывая его по частям на стуле. Напяливает футболку. На ней логотип той фирмы, где ему сегодня хотелось бы ещё поработать. Стаскивает её, то бишь футболку, с себя, бросает в мусорное ведро. После вынимает оттуда, снова надевает. Футболка уже успела пропитаться цветами и запахами. Он перед зеркалом в этой футболке. Снимает с себя и окончательно выбрасывает. Надевает какую-то нейтральную.

Потом – джинсы, кроссовки.

Идти к друзьям или просто позвонить кому-то из них? А есть они, друзья? Так, знакомые. Позвонишь – так докапываться будут: почему давно не звонил, а тут вдруг... Расскажешь, что выперли со службы, – и почувствуешь высокомерную радость этих...

С женой давно развёлся. Да, собственно, и не жил. Года два помаялись и разбежались. Нет-нет, любовь-то вроде была – маленькая только. И только.

Выпить. Вот.

На улицу.

Милая скромная забегаловка. Народу почти что нет. Выпил. Поскольку время раннее, то, если к нему пристают какие-то не очень трезвые люди, значит, лишь выражают желание познакомиться. Он на них вежливо молчит. Они отваливают.

Выпил ещё. Нет, плохо – здесь вокруг, хоть их и немного, совершенно ненужные мне люди. Ухожу. Домой.

Чё там делать? Знаю. Так: я покупаю бутылку чего-нибудь дорогого и вкусного, потом ещё чего-нибудь вкусного, потом пару дисков с порнухой.

Щас завалюсь на диван, буду тихо пить, курить и смотреть. Кстати, кормить себя чем-то вкусным из банки.

Он снимает с себя всё, приносит из кухни табуретку, на которую ставит еду, питьё и подходящие к ним аксессуары, вырубает телефон, заводит один из свежкупленных дисков. Там, на экране очень творчески прочит какая-то дебелая сисястая и п...стая «дасистфантастиш». Он потихоньку начинает ей ритмично вторить, терзая свой собственный член своею собственной рукой, лишь изредка отвлекаясь на то, чтобы налить, заглотить и съесть что-то вкусное из банки.

Звонок в дверь. Чёрт! Приходится спешно упаковывать себя в халат и бежать открывать. Ой, надо же на «стоп» нажать.

Открывает. Там тётка и дядька.

– Газ. Как у Вас в квартире с газом?

– У нас в квартире всё в порядке с газом.

– А у нас запланированная регулярная проверка в вашем микрорайоне. Позвольте пройти на кухню.

– Я вас не вызывал...

– Так Вы отказываетесь от профилактического осмотра Вашей плиты? Тогда нашей службе придётся отключить ваше газоснабжение.

– Да проходите вы.

Проходят. Мужчина ковыряется в плите, не обращая внимания на грязные неубранные сковородки и столь же грязную посуду, женщина что-то там пишет в замусоленной разлинованной, как у первоклассника, тетрадке.

Мужчина:

– У Вас протекает.

Женщина:

– Вам следует вызвать мастера, чтобы устранить неполадки.

Он:

– Так ведь вы уже пришли сами – вот и устраните.

Женщина:

– Наши цели, как было сказано, сугубо профилактические, поэтому, чтобы избежать опасности газозрыва, мы временно отключаем Вас от газоснабжения.

Отключают.

Он:

– ...!

Они:

– Не горячитесь. Вам же лучше будет. Вот телефон. Услуга платная. А вот наш телефон. Придём и проконтролируем. Услуга платная. Кстати, сейчас с Вас... Впрочем, если мы составим акт и Вы подпишетесь, то это будет стоить сто пятьдесят, а если без акта, то всего лишь сто. Хотя учтите, Вы зарегистрированы. Мастера Вам вызывать всё-таки придётся. Весь район, Вы понимаете, должен быть газифицирован. Безопасно. До скорого свидания. Да, ещё вот что. Во имя Вашей безопасности и безопасности Ваших соседей мы временно отключаем электроснабжение Вашей квартиры. Услуга платная.

Он:

– Да вы с ума сошли! Какое право...

Они:

– Мы как раз защищаем права граждан, а Ваше непокорное поведение противоречит законам и может стать весьма серьёзным предлогом к...

Он:

– Пошли вон!

Женщина:

– Ваша грубость в отношении лиц, исполняющих свой государственный долг, лишь усугубляет Вашу вину. У нас всё протоколируется. Ждите повестки. Сейчас мы отключим у Вас электричество и водоснабжение и уходим...

Он:

– И воду?!

Женщина:

– Так надо. Вы нецивилизованный, невоспитанный хам, соответственно, дары цивилизации для Вас не должны существовать.

Вас следует изолировать от общества, и суд, будем надеяться, решит этот вопрос положительно.

Он:

– Да я сам на вас!..

Женщина (*прерывая его, смеясь*):

– Кому?

Делают вид, что уходят. В комнате мужчина задерживается, обильно отхлёбывает из горлышка бутылки, залиvisto рыгает, дурно улыбается, резко и внезапно бьёт нашего героя под подбородок, тот падает. Теперь они действительно уходят, очень деликатно хлопнув дверью.

Он встаёт, трясёт головой, которая так неожиданно болит, и даже не плачет. Не до этого. Надо собраться с мыслью: что делать?

Стук в дверь. Он открывает.

Ворчливый женский голос:

– Починили бы звонок... Вам телеграмма. Распишитесь. Что у Вас с лицом? Впрочем, не моё дело, но пить надо меньше.

Уходит.

«отцу очень плохо приезжай мама что у тебя с телефоном».

Отцу давно уже очень плохо. Лежит, как тыква на грядке, ничего не соображает, только гадит под себя и бормочет какую-то чушь. Они живут с матерью на другом конце города, добираться часа три.

Ладно. Сейчас умоюсь... Куда там – умоюсь: ни в одном из кранов не то что воды, даже пыли нет.

Надел костюм с галстуком. Надо съездить, а коммунальные вопросы решать буду завтра. Выпил остатки, закусил оставшимся вкусным, но всё это без радости.

Побриться бы. Да ни воды, ни электричества.

Тот же ворчливый стук в дверь.

– Вам снова телеграмма. И что это людям неймётся? Жили бы себе...

«отец умер мама».

Берёт такси. Едет. Приезжает. Перевозка уже забрала. Проститься с живым так и не успел.

Мама немолодая, полная, водянистая и почти не двигается.

– Съезди, сынок, надо же все документы собрать и организовать похороны. Раз уж ты при его жизни был невнимателен, то и купи. Кстати, от тебя воняет винищем.

Он, взяв все необходимые документы, тут же побежал за медицинской справкой, потом в загробную контору.

Там очередь. Человек десять разного пола и возраста. Все плачут. Он сидит и нервно покусывает себе пальцы. Одна из дам (*в тоне упрёка*):

– Почему Вы не плачете?

– Простите...

– Я спросила: почему Вы не плачете?

– Простите, а Вас это касается?

– Да. Какой же Вы чёрствый!.. Мой муж, лучший электро-монтёр нашего города, награждённый дипломами и грамотами, не справился с проводами...

– Это я понимаю.

– Ничего Вы не понимаете!.. Вы его не любили. Вы чёрствый.

А плакать – надо.

– Вы умеете заткнуться?

– Хам! Люди! Среди нас, осиротевших, циник и хам! Мы скорбим, а он издевается. Он пришёл сюда за наследством. Посмотрите, какой у него костюм – праздничный. Он, небось, сам укукошил папашу, чтобы стать наследником. А у папаши-то денег? А? Сколько у него денег? Сколько ты присвоишь? Сам не заработал ни копейки, а всё – за счёт отца! Ты убил его. Смотрите, люди: вот он, живой убийца! Милиция!

Люди, переставшие плакать во время этого диалога, медленно встали с сидячих мест. Он понял, что пришёл не в то время и не туда, хотя, судя по раскладу, именно туда.

Милиция не заставила себя долго ждать. Из кабинета, в очередь к которому стояли, точнее сидели, все люди, вышел сержант и сурово спросил: «В чём дело, скорбящие граждане?» Та же самая дама:

– Милиция, милиция... Вы по кабинетам прохлаждаетесь, а мы тут без вас убийцу наши.

Сержант:

– Кто?

Все (*указывая на, понятно, определённого человека*):

– Вот!

Сержант (*ему*):

– Пройдёмте.

Он, следуя за сержантом, покорно проходит в комнату, где оформляют посмертные бумаги. Дверь закрывается. Снаружи крики: «Коррупция! Без очереди! Всё подстроено! Сама дура! Нечего было! Сейчас нам всем!...»

Из дверей комнаты выходит полная, некрасивая, но убедительная женщина. Она (*жёстко*):

– Вы сюда скорбеть пришли за документами или где?

Дверь комнаты красноречиво захлопывается.

Внутри. Сержант:

– Так кого Вы убили?

Он:

– Вроде никого...

– Вроде?..

– Никого!

– Никого?..

– Да.

– «Да» убили или «да» никого?

– Нет.

Сержант (*берёт рацию*):

– Вызываем наряд. (*Вызывает.*)

Он сидит, молчит.

Сержант (*с поганым выражением лица, издеваясь*):

– У Вас есть подсказка зала, звонок другу или пятьдесят на пятьдесят. Ха-ха!

Он:

– Послушайте, если вы умеете слушать...

– Мы слушаем только на допросах, а преступники, вроде тебя, должны тихо молчать, даже если их спрашивают. Понял, сука?

– Нет.

Хлёсткий удар по лицу. Стул падает вместе с сидящим на нём человеком. Ему больно, носом идёт кровь, сам беспомощен, застучаться некому, к тому же ещё наряд подоспел. Другой сержант, из наряда, похоже близнец, дружески пожимает руку уже известному нам сержанту, пинками приводит человека в более или менее вертикальное состояние, надевает наручники, бьёт по лицу, ласково поддерживает, чтобы тот не упал, тащит к машине.

У него звонит мобильник. Тот самый другой сержант вытаскивает его из человеческого кармана. Из телефона голос мамы:

– Сынок, я переживаю. Ты уже оформил документы?

Сержант:

– Я Вам не сынок, я сержант милиции.

Мама:

– Простите, я, видимо, ошиблась номером...

Сержант:

– Нет, Вы не ошиблись. Ваш «сынок» – убийца, и ему грозит суровый, но справедливый суд.

– Слушайте, сержант милиции. Мой сын пошёл получать свидетельство о смерти своего отца, то есть моего мужа, то есть его отца, которого он не видел целых два месяца. Я сама немолодая женщина и больна. Хватит вам издеваться над людьми! Отпустите сына!

– Ах так! Значит, здесь семейный заговор ради наследства. Вы тоже привлекаетесь...

– У вас, помимо сержантов, кто-нибудь, хотя бы лейтенант, в милиции служит?

– Оскорбление при исполнении. Вам, гражданка, грозит срок от...

– Заткнись, тварь!..

Он уже в участке. Допрашивают.

– С какой целью ты убил своего отца?

– Вы.

– (Удар по лицу.) Хорошо. С какой целью Вы убил своего отца?

– Убили.

– (Удар по лицу.) Хорошо. С какой целью Вы убили своего отца?

– Вот теперь правильно.

- (Удар по лицу.) Ну и?
- Вы весьма любезны, но не сразу.
- (Удар по лицу.) Ну и?
- Захотелось.
- (Удар по лицу.) Ну, ты, то есть Вы, и подонец!
- Подонок.
- (Удар по лицу.) Не смей мешать следствию, подонец!
- Подонок.
- (Удар по лицу.) (Девушке-секретарше.) Шей дело!
- Шьют платья.
- (Удар по лицу.) Обыскать!

Люди в серых «халатах» роются в карманах; помимо сигарет, жвачки, носовых платков, ключей от квартиры и прочей ерунды, обнаруживают отцовский паспорт, медицинское свидетельство о смерти, в котором доступно написано, что тот покинул этот бренный мир из-за многочисленных хворей и в этом уходе ему ничья помощь не потребовалась; ещё обнаружилось несколько денег, которые тут же были изъяты, то бишь конфискованы, то бишь пожертвованы в память усопшего отца, чтобы в милиции справиться по нему достойную тризну. Однако часть найденного по карманам была возвращена, особенно носовой платок.

Продолжение допроса.

- (Отческим голосом.) Пожалуй, сегодня мы Вас отпустим.
- А завтра?
- (Удар по лицу.) Ты, тварь, ты, ничтожество, ты, насекомое, смеешь мне задавать вопрос про твоё «завтра»? Сейчас ты выйдешь на улицу, встанешь на колени в самую грязную лужу и будешь молиться, кому тебе угодно, будешь молиться за нас, за твоих благодетелей и хранителей. (Удар по лицу.) Ты так и не понял, что ли, что мы такое? Так. Вали отсюда. Кстати, ты обосрался, и здесь из-за тебя воняет. Я из окошка прослежу, правильную ли лужу ты выбрал, простите, сэр, Вы выбрали, и понаблюдаю, как искренно Вы в ней будете полоскаться. Всё. Вон отсюда.

Человек собирается уходить. Его останавливают на пороге:

- Ты, сэр, забыл сказать спасибо.

– У вас так положено?

– (Удар по лицу.) А кто же, кроме нас, научит таких подонцов хорошим манерам? (Удар по лицу.)

На свободе. Ещё не поздно – захоронные ведомства не закрылись. А про лужу-то они правильно говорили: до дома часа три на транспорте, до мамы от этого участка – часа два. А штаны все в дерьме. Никакой транспорт меня не примет в свои объятия, тем более что и денег больше нет. Вернулся в участок.

– Позвольте мне пройти в туалет.

– Услуга платная.

– Да я только что заплатил...

– (Удар по лицу.) Документы!

Он показывает отцовские бумаги.

– А где твои?

– Дома. Мне бы в туалет...

– (Удар по лицу.) Пошёл вон и радуйся, что тебя здесь так любезно приняли.

Вышел враскорячку. Недалеко целый «холдинг» мусорных баков. Скрылся под их сенью, снял штаны, выбросил трусы, попытался с помощью носовых платков, на которые обильно плевался, довести себя до состояния относительной чистоты. А милиционер-то был прав: лужа понадобилась, – где ещё найдёшь воду, чтобы хоть как-то руки отмыть.

Идти долго. Сначала темно, потом светло, потом всё равно.

Мама:

– Ты бы умылся. Воняет от тебя. Бросай этот образ жизни. Ты совсем отбилась от рук и даже на похороны своего папы не пришёл.

– Я опоздал?

– Нет, что ты, сынок, ты пришёл как раз вовремя. Папа уже похоронен. Что делать? Мне пришлось очень сильно потрудиться, сделать много звонков, когда я поняла, что тебе безразличен твой отец.

– Мама...

– Не смей меня прерывать. Я столько перенесла, я так перестрадала за эти прошедшие два месяца – тебе не вообразить. Сын... Отец уходил в спокойствии и беспамятстве. Мои ласко-

вые слова и поглаживания по голове не вызывали с его стороны никакой доброй ответной реакции. Он только бредил словом: «Сына», вероятно, ему хотелось сна, который он заслужил.

– Мама, я хочу поесть...

– Ой, это вовремя! Я, кстати, тоже. Мне что-то неможется: видишь, лежу не вставая. Сбегай, пожалуйста, в магазин, купи что-нибудь. Деньги-то у тебя есть?

– Есть, конечно, только дома. Вышло так, что с собой у меня нет ни паспорта, ни денег...

– Ладно, бери мои. Знаешь, где лежат. Потом вернёшь.

– Давай-ка я быстренько сгоняю за своими, заодно документы возьму, а потом сразу же к тебе...

– Знаю я тебя. Отца не похоронил и мать не похоронишь...

– Ты обалдела...

– Молчи. Иди и купи всё, что я написала, сейчас же. Да, когда выйдешь из квартиры, звякни в соседнюю дверь: пусть ко мне зайдёт тётя Маша; она, в отличие от тебя, ухаживала за мной и за твоим папой все эти дни. Вот тебе ключи от дома. Вернёшься – отдашь. И сдачу.

Он заходит к тёте Маше. Дверь открывается не сразу. Сначала какой-то «голубиный» глаз в глазке, потом медленное звяканье бесконечными дверными цепочками, потом кусок лица не очень юной, но на вид приличной, с чертами былой интеллигентности дамы. Ей сильно за сорок. Густой макияж, довольно вульгарный. Театральная улыбка примы, покидающей извозчика.

– Тётъ Маш...

– Я тебе не «тётъ Маш». Ты холодное, равнодушное существо, которое не имеет права ни на каких «тётъ».

– Сейчас не время обсуждать мои достоинства и недостатки, тем более что Вы, тётя Маша, не имеете никакого права о них судить...

– Это я не имею?! Твой папа погибал на моих глазах, а куда в это время смотрели твои блудливые глаза?

– Знаете, Вы, тётъ Маш, конечно, женщина красивая и одинокая, но мне сейчас некогда обсуждать Вашу благодетельность и мою порочность. У меня к Вам просьба: вот ключи, вот адрес;

пока я хожу в аптеку и в магазин, нельзя ли съездить ко мне домой, чтобы забрать там деньги и паспорт?

– Ты что, предлагаешь это сделать мне? Наглец!

– Но ведь за мамой я сам посижу, а это нужно срочно...

– Так и быть. У меня есть кого послать.

– Спасибо, тётя Маш.

Они выходят. Та, презрительно скривив губы, отворачивается, закрывает за собой дверь; слышно лязганье многочисленных замков.

Он бежит в аптеку, потом в магазин. Возвращается. Мать долго не открывает. Наконец дверь открывается.

– Я задремала, а ты меня разбудил. Где ты болтался столько времени? Небось, в пивнушку заходил – отца помянуть? Показывай, что купил. А сдача? А чеки? Что?! Ты не брал чеков? Ты хочешь меня, больную, несчастную вдову, ограбить? Я дала тебе жизнь, а ты наживаешься на моей беспомощности! Пошёл вон отсюда – знать тебя не желаю! Ой, как сердце прихватило... Ты – убийца!

– Опомнись, мама! За что ты так? Вот тебе корвалол, а за чеками я сейчас сбегаю – может, они где-то валяются в аптеке и в магазинах...

– Конечно. Валяются. Ты подберёшь в мусорной корзине чеки на тыщу и будешь счастлив, что обманул и ограбил родную мать. Я тебе ещё и должна останусь. Какого же аспиды я выродила!..

Он плачет.

– Реву-реву. Значит, остатки совести у тебя сохранились. Впрочем, проверим. Сегодня, так уж и быть, я позволю тебе переночевать у меня, но учти: я сплю чутко и тревожно. Вот это лекарство мне нужно давать в два часа ночи, это – в четыре, а это – когда я проснусь, то есть часов в семь-восемь. А теперь мне нужен чай, малиновое варенье и бисквит. Что? Ты не купил бисквита? Или ты считаешь, что у меня склероз, а то и маразм? Чтобы через десять минут был бисквит, я так привыкла! Деньги? Ты и так только что потратил почти всё, что мы с твоим отцом скопили за долгую и честную трудовую жизнь. Пошёл вон!

Он вышел. Мимоходом позвонил тётя Маше и, естественно, не услышал там за дверью даже тишины.

Зашёл в магазин. Посмотрел: бисквит стоил четырнадцать.

– Дайте мне, пожалуйста, бисквит в долг, завтра я обязательно занесу.

– А кто ты такой, чтобы тебе доверять? Я тебя в первый раз вижу, ханыга...

– Я не ханыга. Дайте мне, пожалуйста, бисквит в долг до завтра. Я же не водку прошу...

– Дам я тебе бисквит. Что с тобой? На тебе лица нет. Знаешь, я бы пригрела тебя – вижу, что тебе плохо. Но я девушка хоть и добрая, но замужняя и, как ни странно, люблю своего мужа.

– Да я же не просил ни о чём – только о бисквите.

Уже очередь в кассу. Народ начинает покрикивать. Она уходит, противным голосом вопя: «Много вас тут, а у меня ревизия!» Довольно быстро возвращается, даёт ему в руки пакетик и шепчет: «Как же тебе это всё...»

Он даже не успел спросить, как её зовут.

Мама спала. Тётя Маша ещё не появилась или просто не открывала.

Домой хочется. Ладно, сегодня здесь переночую, а уж завтра... Ой, надо же лекарства давать! Значит, спать не получится. Это ещё полбеды. Что делать с бисквитом – ведь к утру он зачерствеет, а среди ночи во время приёма лекарств он как бы не будет востребован. Самому, что ли, съесть? Весь день голодный. Про «вкусное» уже забыл.

Мама. Ведь ты же всё-таки мама. Ты дала мне жизнь, но дай мне жить. Жизней почему-то много. Вот сегодня новую жизнь дала мне тоже женщина – моя уже бывшая начальница. А потом – продавщица из магазина, у которой муж. Ещё – тётя Маша...

Голос мамы:

– Ты принёс мне то, что я просила?

– Да.

– Слишком поздно. Это подло с твоей стороны. Я не спала. Я до конца надеялась, что в тебе есть хоть что-то человеческое. Пред ликом Всемилостивейшего Господа проклинаю тебя, не сын ты мне больше! Поддай сюда лекарство и бисквит!

– Мама, опомнись!..

– Я-то в здравом уме и твёрдой памяти. Я-то знаю, что и о ком говорю. Бисквит мне – и вон отсюда.

– А как же деньги, за которыми...

– Ясно. Тебе мои деньги нужны. Своих не заработал, родителей бросил помирать без сыновней поддержки, а теперь...

– Опомнись, мама, о чём ты болтаешь?

– Болтаю?! Ты ещё и издеваешься над неостывшим прахом усопшего, забытого тобой отца? Вон!

– Знаешь, я пока креплюсь, чтобы не обидеться, но ты не права, ты ошибаешься. Кто, кроме меня, сможет быть рядом с тобой, когда тебе плохо?..

– Ах, ты хочешь, чтобы мне было плохо? Чтобы я задыхалась, харкала кровью, ходила под себя, чтобы у меня съехала крыша, отнялись конечности? Ты этого хочешь, может быть, даже мечтаешь об этом? Вон!

– Подумай о том, что ты сказала. Я уйду. Но я всё-таки твой единственный сын. Я должен быть рядом...

– Должен?! Да никому ничего ты, подонец, не должен...

– Я где-то сегодня, кажется, слышал это слово.

– Значит, я права. Вон! Впрочем, нет. Не вон. Сегодня ты остаёшься у меня, поскольку тётя Маша занята.

– Чем, интересно?

– С каких это пор тебя стали интересовать интересы неизвестной тебе интересной женщины?

– Да нет...

– Нет, да! Ты же сам дал ей ключ от своей квартиры, цинично предлагая разврат. Она не такая, как ты. Она останется у тебя, пока здесь ты будешь исполнять свой сыновний долг.

– Я чего-то не пойму: у меня есть дом, работа – причём тут эта уже надоевшая Маша?

Работы, как мы знаем, у него уже не было, а вот дом...

Мать:

– Включи телевизор. Нет, другой канал. И не этот. Найди, где целуются на море. Нет. Не эти. Вот, наконец-то, олух. Нет. Всё

равно не нравится. Включи президента. Нет, другого президента. Ладно, пусть будет, раз уж ты не умеешь пользоваться пультом. Если тётя Маша приедет хотя бы завтра, я тебе, так и быть, позволю съездить на часок к себе домой за документами и деньгами.

– Но ведь туда уже поехали. Тётя Маша...

– Переключи канал и дай мне зелёную таблетку. Я что, её грызть буду? Принеси из кухни гранатовый сок.

Он идёт на кухню, где никакого сока, в частности гранатового, нет.

– Я не знаю, где у тебя сок.

– А кто сегодня ходил в магазин? Не мог, что ли, догадаться, что я люблю гранатовый сок?!

– Но ведь ты же мне – список...

– Не знать, не чувствовать вкусов родной матери... Это даже не чёрствость – это холодная убийственная жестокость.

– Ладно, я сейчас сбегаю...

– Хочешь окончательно промотать наши с папой деньги?

Ну и сынок...

Он уходит на кухню. Приносит ей стакан воды.

Она:

– Из-под крана?

– Да.

– Сейчас же вскипяти и остуди.

– Но это займёт время...

– Я не ясно сказала?

Он возвращается на кухню. Со смачным грохотом разбивает тот самый стакан. Возвращается.

– С меня довольно. Дай мне ключи от твоей двери – я уезжаю домой.

– Ключей я тебе, конечно, не дам: во-первых, уже поздно и тебе не добраться, особенно без денег, во-вторых, я хочу, чтобы ты почувствовал, что это – ухаживать за больной матерью, ну и, в-третьих, у тебя ключей от собственной квартиры нет. Не на лавочке же стал бы ты ночевать. Вот она, материнская работа, и некому оценить... Что там на кухне был за звук? Разбил ты

что-то? Иди-ка прибери, а осколки покажи мне. Не дай бог, чтобы ты хрусталь грохнул.

– И что будет, если хрусталь?

– Господь тебя накажет. Переключи канал, этот мне надоел.

Он берёт из серванта теперь уже настоящую хрустальную вазу и с силой швыряет её на пол. Та разбивается. Она спокойно, философски:

– Да, так и должно быть. Наша жизнь хрупкая, и никто не знает, в какой момент она превратится в дребезги. Но важнее иное: кто станет тому виновником. Господь? – Он сам всё решает, он справедлив и милосерден. Враг? – Он тоже милосерден, поскольку ясен и искренен. Но сын, сын!.. Эта гиена, эта ехидна, эта подколотная тварь со смиренным выражением заботы и покорности на физиономии всё разбивает и всех убивает, наслаждаясь результатами своих «трудов». Ему ничего не надо – лишь бы мучить, мучить, мучить... Что, если я без этой зелёной таблетки умру – медленно, задыхаясь, в конвульсиях, в холодном поту?.. А некто будет стоять рядом и смотреть на это, как на цирковое представление, ухмыляясь в душе, впрочем, какая уж там душа... Ты мне заплатишь за эти осколки, дорого заплатишь. Я пропустила любимую передачу. Всё прибрать. Принести холодной кипячёной воды. Хотя уже поздно, уже таблетка не поможет. Не смей открывать пасть, чудовище! Чтоб тебя псы сожрали заживо! Поправь мне подушку – я сползаю. Нет, сначала воду! Попробуй сам – мало ли что ты туда мог кинуть. Почему до сих пор подушку не поправил? Где ты, боже мой, где ты, тётя Маша?!

– У меня дома.

– Не твоё дело. Отнеси меня в туалет.

– Так ты же сама нормально ходишь...

– Не твоё дело!

Он, кряхтя, берёт её на руки, доносит до туалета; она спускается на пол, заходит, делает всё, что ей нужно, командует: «Назад!» – что он и выполняет.

– Хочу есть. Сделай яичницу с ветчиной, если умеешь.

– Умею, но ведь уже поздно...

– Голодом меня хочешь уморить? Ну-ну... Хорошо, что отец этого не застал.

– Так. Я сейчас поджарю тебе яичницу. Я буду давать тебе в назначенное время таблетки. Я стану делать всё что угодно. До завтрашнего утра. Потом я ухожу. У меня работа, ну и прочие дела. Обещаю, что буду приходить к тебе два, нет, три раза в неделю – хочешь, расписку дам? Хочешь, буду платить твоей Маше? Хочешь...

– Маше ничего не нужно. Она любит меня. А ты – ты куда не уйдёшь, разве ты этого не понял? Кстати, так уж и быть, можешь выпить чашку чая.

– Не хочу я никакого чая...

– Брезгуешь? Родной матерью брезгуешь?!

– Оставь меня хоть на несколько минут в покое. У меня был трудный...

– Оставляю, оставляю. Ты только и ждёшь, чтобы я умерла. Знай: это будет только по твоей вине.

Два часа ночи. Звонок в дверь. Он:

– Как же мне открыть?!

Мать:

– Спроси, кто там. Может, это воры, вроде тебя.

Он безропотно идёт к двери. Оттуда, снаружи, нетрезвый голос тёти Маши:

– Я те ключом не попаду в твою драную сва-кважину, а ты тут ещё, вы, ёлки зелёные!.. Пускай уже, мерзавец!

– У меня нет ключей. Открывай сама.

– Какая я тебе «открывай»?! Я тебе – «те»! Зови мать!

– Она спит. И тебе – «те» – пора бы вздремнуть. Кстати, деньги и документы мои привезла, тётя Маша – «те»?

Дверь всё-таки открывается. Тётя Маша входит задом, запирает дверь на ключ. От неё разит вульгарным перегаром. Из комнаты голос матери:

– Машенька, солнышко моё ясное, наконец-то добралась! Я уж и не чаяла тебя, родная моя, сегодня увидеть. Проходи скорей, рассказывай.

– При этом монстре я ничего рассказывать не буду. Пусть валит на кухню, а заодно приготовит нам ужин, или завтрак, или, не знаю, просто еду...

Он:

– Тётя Маша, верни «те» мне мои ключи, мои документы и мои деньги. А потом – все прочие разговоры.

– Ты о чём, урод? Ничего такого я не брала и не видела. Чтоб заткнулся!

– Где ты была, тварь?!

– А твоё какое собачье дело? Была – и уже меня там нет. А тебя вообще нигде нет.

– Так. Сейчас, сию минуту, ты «те» возвращаешь мне всё, что взяла, и я уйду к себе домой.

– А я у тебя дома и не была. Больно нужно по бомжовым подъездам за три часа езды болтаться?

– Отдай ключи!

– Нет у меня твоих ключей, чтоб ты сдох!

– Раздевайся, пьяная сука! Я сейчас все твои потроха вытрясу.

Она гордо скидывает с себя одежду, гадко хихикая.

– Ты, может, трахнуть меня, красивую, захочешь, импотент?

Куча тряпок на полу. Маклышки на ступнях. Обильный варикоз выше. Избыточно обонятельное причинное место. Толстый живот, до которого уверенно доползают те, что когда-то назывались грудями. Бледно-голубыми сосками глубоко вниз. Красиво.

– Тётя Маша, всё это замечательно. Мне нужен мой ключ. И мои деньги. Неужели непонятно?

Мама:

– Маша, гони его прочь! Мы уж как-нибудь с тобой, Маша.

Он уходит.

Ни денег, ни ключей, ни документов.

Он идёт пешком к своей квартире. Долго идёт: три часа – это только на транспорте.

Уже светло. Хочется прилечь и отдохнуть.

Устал.

Дверь квартиры – настезь.

Мужской голос:

– Ты кто? Ланна, за-ади. Машка сказала: можно, значит, тебе тоже. Кто ты ваще?

За кухонным столом человек шесть. Все пьяны, даже пола не разберёшь.

– Пить бушь?

– Пошли вон. Это моя квартира.

– Кто те-э ска-ал? А в рыло?! Ты приглышают за стол, как друга, а ты... Ты чё, нас отсюда хочешь типа выгнать? Ща поговорим...

Встаёт этот, встаёт второй. Бьют. Сильно бьют. Выталкивают из квартиры на лестницу. Захлопывают дверь. Оттуда, изнутри, хохот.

Он идёт в милицию. Всё в ту же.

– Ты нам надоел.

– Я вас прошу навести порядок в моей квартире...

– А кто тебе сказал, что это твоя квартира?

– Да ведь я живу там, плачú...

– Сегодня ты живёшь, завтра я. (*Ха-ха-ха!*)

– Господин сержант, Ваш юмор очень уместен...

– Чё-то я не понял: кто-то типа сказал про юмор?

– Вы, господин сержант, всё правильно поняли. Я ошибся: никакого юмора...

– Чё-то я не понял: у меня, чё, чувства юмора нет?

– Господин сержант, я, может быть, ошибся: всё у вас есть. Позвольте мне на законных основаниях вернуться домой.

– Я с тобой уже здесь столько времени, а у нас повсюду убийства и грабежи. Посиди-ка ты в камере до утра, а потом разберёмся.

– Отпустите меня домой, пожалуйста!

– Да ведь ты сам сказал, что в твоём доме какие-то чужие люди. Значит, это не твой дом. Значит, ты врёшь. Значит, тебя надо арестовать – и под суд.

– Да Вы с ума сошли!

– Оскорбление при исполнении. Так. Коля! Коля! Запри этого подонца до вынесения ему.

Он:

– Позвольте позвонить ...

– Ладно. По закону положено.

Он звонит матери. Трубку долго не берут. Наконец возникает голос тёти Маши.

– Это милиция? Куда вы дели убийцу?

– Успокойтесь. Расскажите всё по порядку...

– Что рассказывать? Прихожу – убита. Спасайтесь все – он опасен. Он и меня может трахнуть ...

– Извините ...

– Ну, то есть грохнуть.

– Извините ...

– Ну, то есть, простите, убить.

– Ваши подозрения?

– Он, только он, никто иной!.. Какая же она была добрая!..

– А Вы-то кто?

– Как Вы смеете меня подозревать? Я – тётя Маша, то есть Мария Фёдоровна Варломова, я соседка, я ухаживала. А он, он ...

– Никуда не уходите. Наш наряд скоро будет.

– Знаю я ваш наряд. Три часа наряжаетесь в красивую форму, потому что человек уже умер, а вам всё равно, раз человек умер, точнее убит.

– Перестаньте волноваться. Мы сейчас же выезжаем, и убийца нами задержан. Не следует о нас думать так дурно.

Конец звонка.

Сержант:

– Убийца, на выход!

Он:

– Простите ...

– Сейчас ты, подонец, получишь, аж инквизиция позавидует.

Убить родную мать – нет слов.

В наручниках, с разбитым лицом, зато бесплатно на машине.

Дверь открывает нетрезвая тётя Маша. Из комнаты крик мамы:

– Вы привезли моего убийцу?! Покажите мне его тело! Я никогда, никогда, никогда!..

Сержант:

– Поздновато, гражданочка, то есть товарищ, как Вас... а, ясно. Не надо громко кричать: соседи Ваши придут, тогда нам ещё дольше разбираться. А у всех семьи, жёны...

– А-а... Жёны... Он убил своего отца, теперь убивает его жену – это я. Да и свою собственную жену он убил. И тётки-Машины жену, ой, простите!..

Сержант:

– Мария Фёдоровна, Вы согласны подтвердить всё, что здесь было сделано и сказано?

– Кш-но.

– Точнее.

– Было следано и сласкано...

– Хорошо. Чем Вы подтвердите?

– Ну чё Вы, я же Вас люблю, я же двоюродная правнучка канпазителя, кстати, учтите, классика русского романса. Счас буду петь призвидения...

– Я, как сержант советской милиции, люблю слушать песни только в концерте и только при охране поющих популярных исполнителей...

– Сделайте меня, товарищ, исполнителем – я Вам всё спою...

Сержант:

– Спокойно. У нас здесь дело об убийствах. О песнях позднее.

– Нет, буду! (Начинает петь невысказанно гадкую песенку: «Выдоль ды по вулицы метелица метёт...»)

Сержанту всё уже надоело. Наш герой молчит и даже пытается заснуть, поскольку хоть и в наручниках, но всё-таки – на стуле.

Сержант:

– Ты (тётке Маше): пой-те. Отдайте ему ключи и оставьте его в покое. Ты (матери): ничем твой сын перед тобой не провинился. Отдай ему ключи и оставь его в покое. Ты (к «герою»): с тебя 26 тысяч ущербу, что Вы оказал сопротивление.

– За что?

– (Удар по лицу.) Чтобы знал. (Пишет что-то на бумаге.) Подпишешься? Нет? (Удар по лицу.) Не-ет?! (Удар по лицу.) А вот теперь

я на Ваших глазах состо(а?)вляю пры(?)ткл и приговаривью Вас к исполнению наказаний за преступления. Фсё. Я устал. Тётя Маша пела плохо, но хорошо. Я её тоже приговорю. Оставьте фелетончик, ха.

Он:

– Ты, сержант, идиот?

– *(Удар по лицу.)*

– *(Удар по лицу. Драка.)*

Мать:

– *(Сержанту.)* Я попрошу Вас, будьте милосердны и благо-разумны. Сегодня тяжёлый день, особенно для Вас, голубчик. А этот человек всё-таки мой сын; уж так с ним не надо... Машенька, съезди к нему на квартиру вместе с этим милым сержантом, чтобы стало, наконец, всё ясно с деньгами, паспортом и прочими документами. Я, пожилая вдова, конечно, буду вам обоим благодарна. А этого – не трогайте: кровинушка всё-таки.

Тётя Маша:

– Я Вас на эту «кровинушку» не брошу...

Уезжают.

Мать *(в виде напутствия)*:

– Езжайте, езжайте – Господь с вами. А ты, мой единственный, в счёт долга перед усопшим папой купи-ка мне вкусного... Совесть, Господи, совесть... А не купишь, так попроси у той, что тебе когда-то бисквит дала.

– Её в этом магазине давно уже нет.

– Найди другую добрую.

– Твоя цепь на моей лодыжке слишком коротка, чтобы отыскать.

– Иди, мерзавец!

Он идёт домой. Пешком. Футболка, шорты и кроссовки не всегда помогают, поскольку меняются сезоны: то зима, то опять зима... Года четыре блуждал.

Вот наконец и дом с его квартирой. Дверь без замков. Странные люди. Он:

– Это моя квартира.

– Ты кто?

– Я хозяин. Быстро освободите!..
– Ты сначала докажи, а потом суйся. Мало тебя по морде били?
– Пошли вон отсюда, пьяные уроды! Счас в милицию!.. У меня все документы!..

– Ты, козёл, Марьфёд Валломову знаешь? Это ё тилитория, знашь? Не знашь – вали.

– Мужики, у меня же документы ...

– А, по морде!.. Хошь выпить?

В милицейском участке (всё в том же).

Уже лейтенант:

– Вы, гражданин, какое имеете право претендовать на жил-площадь, по закону предоставленную М. Ф. Варломовой?

– Кто же её предоставлял?

– Ваша мама, если Вы не врёте по поводу собственного имени.

Но это мы проверим.

– Проверьте сначала, пожалуйста, мои данные.

– Как пожелаете. Итак. Ваш паспорт с местом и датой прописки, квитанции об оплате квартиры ...

– У меня всё это исчезло ...

– Исчезло?

– Украдено.

– Украдено?

– Ради бога, не считайте меня мошенником ...

– Так. Если у Вас нет документов, то Вы должны найти людей, которые письменно подтвердят, что Вы – это именно Вы. Затем уже будем решать вопрос с квартирой. Поэтому Вам следует обратиться по-дружески к Марии Фёдоровне Варломовой. Она, кстати, очень милая женщина. А Вас я помню. Вы меня, наверно, тоже. Четыре года назад я был сержантом ...

Он приходит к своей когда-то жене. Она открывает дверь. Там пахнет детьми, щами и уютом. Она выглядит недурно, правда, слишком по-домашнему.

Он:

– Здравствуй.

Она:

– ...те.

Он:

– (Со вздохом.) Хорошо, здравствуйте.

Она:

– Вы – водопроводчик?

Он:

– Нет.

Она:

– Я, собственно, и не вызывала. А значит, валите-ка Вы отсюда, пока...

– Пока – что?

– Ещё получишь... Чего явился?

– Дай мне зайти хотя бы в прихожую. Я ненадолго. Пожалуйста, удостоверь, что я – это я. Может быть, в твоём паспорте сохранилась какая-то запись...

– Про тебя у меня нет никаких записей. Паспортá, к счастью, недавно меняли.

– Хорошо, хорошо. Мне просто необходимо свидетельство о том, что я – это я.

– Для чего это?

– Долгий разговор... Ну, в общем-то, в милицию...

– И ты хочешь втянуть меня в свои шашни? У меня, к счастью, нормальный муж, прекрасные дети, а тебя в моей жизни давно нет и никогда не будет. Ещё раз повторяю: я не знаю тебя, я не знаю, кто ты, где жил или живёшь. Не ясно?

– Дай, пожалуйста...

– ...те

– ...те, попить.

Она уходит, с фырканьем, на кухню. Он уходит, не дождав-шись её, мягко прикрыв дверь.

Снова на улице. Пойдём, что ли, на прежнюю работу? Унизительно, конечно, но, может, там хоть кто-то подтвердит факт моего существования.

У дверей.

– Мне – к руководству.

– Представьтесь и запишитесь на приём.

– Да ты что, Петрович, меня не помнишь?

– Во-первых, я Алексей Петрович, во-вторых, я Вас, милостивый государь, не знаю и, естественно, не помню, в-третьих, если Вы сию секунду не уйдёте, то я кликну Сергея Петровича, и Вам это, вероятно, понравится.

– Постой-постой, Алексей Петрович, давай по-человечески. Ты же, дружок, помнишь меня, мы же так здорово с тобой беседовали о футболе и о политике. Пропусти, пожалуйста, на одну минутку к нашей начальнице – разговор-то у меня копеечный, но важный.

– Копеечный, говоришь? Помню я тебя, конечно. Но копеечным наш с тобой разговор не обернётся. Рублёвым – да.

– Поверь, нет у меня ничего, даже на трамвай нету. Ты пропусти – сочтёмся, обещаю.

– Верь вам. От тебя вон аж четыре года ни слуху ни духу. А теперь пришёл с начальницей общаться. Она уже давно в министерстве кем-то там служит, а значит, здесь тебе ловить нечего.

– Милый Петрович, как её найти? Мне срочно!

– Милый... Так ты к бабам обращайся. Езжай-ка ты в это министерство, а там уж – как выйдет...

По внутреннему телефону ответила, естественно, секретарша.

– Как Вас представить?

Он произнёс своё имя.

– Таких не записано. Запись на следующий месяц 12-го числа с 8:00 до 8:30. Согласны? Очередь на запись живая. Приходите пораньше. Если не будет отказа, то беседа может состояться через три месяца, 12-го числа.

– Мне необходимо сегодня, сейчас!..

– Вы, гражданин, дурак или не поняли? (*Пип-пип-пип...*)

Турникет, конечно, запищал, когда он прошёл его насквозь и стал спокойно подниматься на третий этаж по лестнице. Он слышал топот подкованных ног и устрашающие команды, но никто из охраны не решился в него выстрелить или даже сбить с ног. Так под оглушительные фанфары безопасности он дошёл до её кабинета, резко открыл входную дверь, затем, не обращая внимания на ту, что по телефону обозвала его дураком, вошёл к своей давней начальнице. Там сидело двое розовощёких людей в галстуках.

Он:

– Ради бога, простите. До Вас никак не добраться, а мне необходимо подтверждение всего лишь того, что я – это я. Когда-то я был Вашим сотрудником, а теперь, лишившись документов, прописки и денег, я уповаю только на Вашу помощь. Пожалуйста, удостоверьтесь, что я – это именно я и никто иной, ведь это действительно так.

Она с милейшей улыбкой поднялась из-за стола. Положила руки ему на плечи и промурлыкала:

– Я не знаю, кто Вы такой. Единственное, что я могу для Вас сделать, это попросить, чтобы Вас свободно и безнаказанно выпустили из здания. – Затем, обернувшись к тем двоим в галстуках: – Господа, как видите, я не на словах, а на деле искренно проявляю заботу о гражданах, которые в любую минуту, если у них есть проблемы, могут обратиться ко мне. Простите за то, что отвлеклась. Продолжим...

Из здания его действительно выпустили. Очень вежливо довели до внутреннего дворика. Примерно через полчаса сказали: «Лежать тебе осталось ровно десять минут. Пожалуйста, не спи. На одиннадцатой минуте тебя не должен видеть никто в радиусе километра отсюда. Скажи “спасибо”».

Он сказал «спасибо» и побрёл – куда же ещё? – к маме.

– Где мама? Это ты, мерзавец, ободранец вонючий, спрашиваешь, где мама? – голос тёти Маши с годами становился всё более властным. – Так и быть, я тебе отвечу. Твоя мама больна и сейчас находится в хосписе, то бишь в приюте для убогих, по-нашему. Ты хоть знаешь, что это такое? Это ужасно. Ни родных, ни близких, только гороховая каша и священник по утрам. Ты сходил бы, навестил, но – нет: такая бессердечная тварь, как ты, только ждёт гибели собственной матери.

– Ты, Маша, ты, сука, сдала её туда. Что, скажи мне, что ты от этого поимела?

– Не твоё собачье дело, бомж поганый.

– Дай мне возможность связаться с матерью.

– Ещё чего? Ты же затребуешь от беспомощного человека какие-то права...

– Слушай внимательно, Маша. Это моя мама, и я имею все основания знать, куда ты её уpekла. Это мои две квартиры – что

там, что тут, – и у меня есть все права ознакомиться с документами на эти жилплощади. Ты-то сама – кто ты? Пошла-ка ты вон отсюда, желательна – быстро.

– Потерпи, сынок.

Она уходит. Мягко лязгает ключами в своей квартире. Опять лязгает. Возвращается. Приносит ксерокопии документов, в которых речь идёт о дарственной на мамину квартиру и на квартиру её сына, который там долго не проживал, не платил за неё, и вообще его существование на свете за давностью лет весьма проблематично, с точностью до нет.

Он:

– Мария Фёдоровна, я так понял, что твоя, мамина и моя квартиры – все твои?

– Не трожь мою!

– Плевал я на твою! В какой дом престарелых ты запихала мою маму?

– Уж я тебе так и сказала, заботливый сын!..

– Мне негде жить. Ты отняла у меня всё...

– На «вы»!..

– Сейчас ты получишь своё «вы». Где моя мать?

– Зачем, ну, зачем тебе? Давай, я стану твоей матерью...

– Раздевайся.

– Что?!

– Раздевайся. Больно будет.

Та раздевается. Сначала стесняясь, гаденько хихикая, потом гордо выставляя свои не самые свежие прелести на обозрение. Он вспоминает, что уже когда-то видел это.

Она:

– Ну что, нравится?

– Нет. Иди на балкон.

– Там же холодно!

– Иди на балкон. – Его тон весьма суров.

Она выходит на балкон. Он изнутри запирает балконную дверь. Шарит по её шмоткам. Не находит ни одного документа, даже ключей.

Она стучится в балконную дверь. Он открывает форточку, спрашивает:

– Где моя мать?

– Я её похоронила четыре дня назад ...

– Почему я не знал об этом?

– Где ж тебя было найти!.. Пусты, мне холодно!..

– Документы?

– В них указано, что ты умер...

– А если ты сейчас умрёшь – от холода, к примеру?

– Тебе всё равно ничего не достанется: во-первых, ты мёртв, во-вторых, на случай моей кончины всё переписано на моих племянников.

– Это те, что водку жрали в моей квартире?

– Да-да-да! Впусти меня!

– Нет.

Он закрывает форточку. Идёт в ванную. Моется. Затем ищет в шкафу старую отцовскую одежду, которая подошла бы ему. Кладёт всё это на стул. Ложится спать. Не спится: постоянный стук в балконную дверь. Ему надоело, да и гуманист немножко. Он открывает дверь и пускает её в квартиру. За волосы тащит в ванную, включает тёплую воду, швыряет её туда.

– Сейчас ты согрешься, а потом напишешь, что я законный наследник своих родителей, что ты, не будучи опекушкой, преследовала корыстную цель получить жилплощадь для себя и своих родственников, что ты раскаиваешься в содеянном и готова возместить мне моральный ущерб.

– Я всё-всё напишу, миленький, всё это справедливо. Дай мне только согреться. Только залезь, пожалуйста, сейчас ко мне в ванну. Нет-нет, не подумай чего-то дурного – ты же такой молоденький, а мне уж за сорок... Просто вода греет хуже, чем живое человеческое тело, а я так давно не прикасалась к мужской плоти. Ну что тебе стоит? Ведь ты же морозил меня – теперь согревай.

Так-то она вроде бы и ничего. Титьки немного обвислые, животик... Бёдра толстоваты, да и варикозка на ногах... Может, действительно залезть в ванну? Залез, как дурак. Она, пока изображала

удовольствие от согревания, переключила струю из крана на шланг из душа и бросила его на пол. В считанные минуты в дверь квартиры стали ломиться соседи снизу. Она выскочила из ванны; неизвестно откуда у неё обнаружился ключ; она открыла дверь и с отчаянными криками запустила соседей прямо в ванную комнату, где, ничего не понимая, барахтался наш герой. «Насильник, – кричала тётя Маша. – Насилователь и утопитель! Спасите!» Она не удосужилась накинуть на себя хотя бы полотенце, поэтому искренность её стенований вызвала очень агрессивное соболезнование.

Ему всё-таки удалось под негодующий шум выскочить на лестничную площадку, накинув на себя какой-то махровый пёстрый женский халат. Выбежав из подъезда, он трезво осознал, что не просто одурочен, что безнадёжно проклят. Он слышал звуки подъезжающей милиции, которые его уже не пугали. Он понимал, что его персона никому не интересна, поэтому спокойно пошёл на ближайший вокзал.

До вокзала можно доехать по-парадному, а можно и дойти по грязным пустынным деревянным закоулкам, и это самый удобный путь для человека в его положении.

Пиджак, брюки и, что главное, ботинки он нашёл среди выброшенных тряпок у мусорных баков. Самое смешное, что в смеркающиеся часы к этим сокровищам подползали странные люди. У них, оказывается, были какие-то свои вожди, которые гордо ждали, когда основная масса замёрзших «подданных» выгребала из мусора то, чем можно согреться. Они не просто дрались – они рычали и грызли друг друга за каждый драный сапог или фрагмент от пластмассовой куклы. Потом всё это приносилось хозяину. Тот делил. Главное, что всё это проходило очень тихо.

Зря он бросился бежать, увидев этот ритуал. Догнали. Раздели.

Вождь:

– Ты не наш. Плати.

Он:

– Хотите – бейте, хотите – убейте. Я устал. Мне холодно. Вы что, тоже не люди? Вы что, у вас тоже нет ни милосердия, ни справедливости? Мне холодно!

Вождь:

– Чужой ты. У нас, скажу тебе по секрету, нет-нет, одевать я тебя не буду, так вот, чужой ты. Мы на этих помойках, как их называют в твоём «цивилизованном» мире, частью обеспечиваем бесправных, частью доводим удачный улов до секунд-хенда. Тебя мы к себе не возьмём, и не проси. Твоя беда, что ты нас видел. Знаешь, бывает такое, что нам удаётся купить чью-то запущенную квартиру, – пойми, какая это радость для обездоленного!

Тебе страшно? Зря. Ты же не хотел вторгаться в наши владения. Ты, вероятно, думал, что всё невзрачное и бросовое – это как бы ничьё, а значит, и твоё. Так не бывает. Всё вокруг – чьё-то. Тебе не нравится милиция, мама, тётя Маша, бывшие жена и начальник, мы тебе тоже не нравимся. Ведь так?

– Кто ты?

– Вы.

– Пожалуй, я догадался. Мне холодно. Отпустите меня.

– Иди. Мы не уберём тебя. Слышишь – уже второй гудок поезда. После третьего он отчалит. Беги – успеешь.

– Так я же голый и без билета!..

– Беги!

Кто-то накидывает ему на плечи всё тот же нелепый халат; он догоняет уже тронувшийся поезд; проводник, не успевший закрыть входную вагонную дверь, обескуражен появлением столь странного пассажира, однако ругаться на него начинает только после того, как поезд набрал скорость.

– Я тя щас столкну, сука, урод! Лучше сам выметайся, прямо на ходу, подонец, – мне ещё из-за тебя рабочего места лишаться!.. Щас с охраной соединюсь – тебе мало не покажется!

– Не надо охраны. Вышвырни ты меня хоть сейчас, на полном ходу, точнее, я сам выпрыгну. Только, ради бога, дай, пожалуйста, хоть какие-нибудь штаны, хоть кальсоны...

– Обойдётся. Иди прыгай. Здесь как раз скорость поменьше – не расшибёшься. А может, у тебя деньги есть? Тогда бы доехали, куда пожелаешь...

– Деньги? Есть... Открывай дверь – я выпрыгну.

Поезд действительно замедляет ход: вероятно, навстречу едет какой-то товарняк. Он выпрыгивает на песчаную насыпь. Темно и холодно. Вдали блёклые, скучные огоньки. Он идёт к ним с надеждой, что там какие-то люди живут.

Огоньки приближаются. Их сопровождают ещё и голоса – громко хохочущие и рыгающие. Он оказывается в эпицентре сияния этих фонариков.

Голос:

– У! Смари – чмо!

Другой голос:

– Без штанов, а не баба!

Ещё голос (*в общем-то, эти голоса малоразличимы и сливаются в один гогочущий вой*):

– Може, это наш местный призрак?

– А може, насильник-магняк?

– Мудодёр который?

– Точно – Катила, говорю.

– Робя, надо с ей, с Катилой, поговорить, а?

Он не успевает убежать. Темно. Местность совершенно чужая. Фонарики слепят глаза. Сколько их? Уже не важно. С первого удара он валится на землю. Потом начинается забава: бьют ногами, плюются, хохочут, прыгают на распростёртом теле... Когда у него иссякают признаки жизни, ребята весело засовывают ему в рот и в задницу сухие ветки, поджигают их и радуются, когда изувеченное тело бьётся в бессмысленных конвульсиях.

Один:

– Хорош, ребята, нам могут припать...

Другой:

– Ты не ссы. Кто этого уroda ваще знает? Ща на рельсы положим – паровоз его раздолбает в микробы.

Так и поступили – забросили на рельсы. Время ночное – поездов много ходит. Действительно, тело было изрублено в фарш.

Утром со всей окрестности к этому месту на запах стеклись собаки. Еды хватило не всем, поэтому они дрались между собой, лаяли, выли, скулили, но многие всё-таки чавкали.

ДЕНЬ

Мучаются все. Вопрос: почему все мучаются именно днём? Можно было бы поразнообразить хронологию мученичества. Но оказывается, нельзя.

Вот, к примеру, Вова Боре подробно рассказал невыученный урок и был порот. За дело, кстати. Боря Вову порол вымоченными в чём-то розгами, оба плакали. Кому от этого хорошо? И что в этом интересного? Любовь разве что.

Хватит, пишем. Я, правда, забыл адрес. Да и не знал, если честно.

Действие происходит в городе. Это важно. На селе люди чистые и честные, тёплые и влажные, ласковые и в сапогах. Не то – город. Это не Москва, не СПб. Это – город (прости, бога ради, Андрей Белый!).

Там дома, улицы и люди. Городу больше ничего не надо. Он этим тихо питается.

Застряла одна в зубах.

– Девушка, вас можно на минутку?

– А что? Я, вообще-то, с работы...

– Устали, наверно...

– Немного. Но вам-то что?

– Ничего. Просто хотел спросить, сколько времени.

– Отстаньте – даже скучно. Я спешу.

– Вы не поняли: я хотел спросить, сколько времени осталось.

– Я не знаю расписания всяких маршруток – мне тут рядом пешком. Спросите кого-нибудь ещё.

– Вы опять не поняли; вероятно, я изъясняюсь робко и невнятно...

– Всё. До свидания.

– Нет-нет, у нас с Вами больше не будет свидания...

– Я зову милицию!

– Зовите, ради бога. Я вас, кажется, ничем не огорчил, да и не собирался. Задал только вопрос...

– Отстаньте тогда.

– Я уже отстал. Мой транспорт, видите ли, ушёл. Поэтому я – к Вам.

– Пошёл вон, подонок!.. Люди, пожар!

– Вы правильно сказали: «пожар», только несколько эмоционально. Теперь – минуту внимания. Поверьте, ничего дурного по отношению к Вам я и не мыслил. Неужели я похож на вульгарного насильника или там, как у вас, маньяка?

– У нас?

– Да-да, это не важно. Вы музыку любите?

– Зачем это?

– Какую?

– Зачем это?

– Пожалуйста. *(Звучит неизвестно откуда милая ей песенка.)*

Ерунда, честно говоря. Исправить? *(Не дожидается ответа. Неизвестно как делает так, чтобы та же песенка звучала очень красиво.)*

– Откуда это?.. Кто вы?.. А если я – Моцарта ...

– Бросьте, Вы не знаете Моцарта и, соответственно, не можете его любить.

– Как Вы смеете... И вообще, мне с Вами уже – задержалась...

– А вот это верно – задержались. Пойдёмте. Я знаю, что Вы любите, и, пока мы с Вами идём, поверьте, будет звучать та музыка, которая Вам нравится, а перед Вашими глазами будет маячить не убогий и привычный вид городских домишек, а те пейзажи, которые Вам милы. Клод Лоррен? Камиль Коро? Шишкин? Левитан?..

– Не знаю этих... Кого-то...

– Хорошо. *(Перед её глазами плывут ландшафты, изображённые лучшими живописцами из школьной программы. Идут. Жалостливым, почти что бабушкиным голосом.)* Ой, девонька, что ж это ты такая невесёлая? Обидел кто? Так развеем обиду, аки мякину по ветру. Не томись, болезная, говори, хорошая, нам ещё долго идти.

– Вот свалился на мою голову!.. Свалилась... Ой, кто ты... Вы?..

– (Тем же голосом.) Будет тебе. (Другим, холодным и совершенно мужским голосом.) Всё тебе будет.

– (Озираясь по сторонам.) У нас – город. А здесь что-то другое. Я ничего не узнаю. Нет, узнаю: я это видела когда-то... Вы – зачем – ко мне? (Приходя в себя.) Всё. Меня ждут. Рада была познакомиться. (Ускоряет шаг, бежит, но вскоре останавливается, поскольку всё вокруг – сплошные ожившие пейзажи. Садится на корточки, плачет.) Оставьте Вы меня, ради бога! Мне без Вас полчаса назад было так хорошо!..

– Врёшь. Тебе было плохо. Бросивший муж. Копеечная служба. Слезы перед зеркалом. Две с половиной подруги, которые только и знают, что говорить гадости со змеиной ухмылкой. Восьмое марта в одиночестве без цветов с бутылкой водки. Дешёвый макияж, не желающий дружить с твоим лицом. Дранные обои в розовый цветочек. Тараканы, жрущие твой честно заработанный хлеб. Штопаные колготки под штопаными брюками. Яичница с утра, яичница вечером под телевизор с позорной сволочью внутри. Мастурбация перед сном, затем – слёзы, чтобы заснуть поскорее. Так?

– (Кричит.) Оставь меня! (Сквозь всхлипы.) Кто ты?!

– (Спокойно, даже холодно.) Не ори. Тебя никто, кроме меня, сейчас не сможет услышать. Ты только посмотри, какая красота вокруг, ведь ты же сама этого хотела, вот я и сделал. Тут ржаное поле колышется, там сосны шумят, а вот и морской прибой с чайками... Город, говоришь... А как он называется?

– А Вы... ты... Вы, что ли, нездешний?

– Нездешний... (Ухмыльнувшись, но с долей печали на лице.) Здешний. Я везде здешний.

– Не понимаю.

– И не надо. (Без паузы.) Короче. Учти, во-первых, я не желаю тебе зла. Усвой, во-вторых, я хочу просто так, бескорыстно, дать тебе возможность стать счастливой...

– Почему – мне?

– Ты прервала меня. Итак, в-третьих, ты, кстати, уже у себя дома, так что принимай гостя, хотя бы чаем угости.

Так и есть. Интерьер обычной провинциальной бедной однокомнатной квартиры в хрущёвке. Описание избыточно, поскольку всем известно. Она:

– У меня, кажется, крыша едет. Так не бывает...

– А как бывает?

– Зачем глупые вопросы задавать и меня ещё идиоткой делать?

Хожу себе на работу и с работы, а тут – чёрт-те что...

– В этом есть доля правды.

– То есть?..

– Чай-то будет?

– *(С безрадостным вздохом.)* Да, минутку.

Она уходит на кухню. Оттуда кричит: «Вам с каким вареньем?»

Он *(из комнаты)*: «Со всяким!»

Она возвращается с подносом, на котором большой и заварочный чайники и штуки четыре розетки с вареньем, сахарница и прочие причудалы вроде ложек. Останавливается в дверях с выражением ужаса на лице. Стол завален самой что ни на есть изысканной снедью: осетрина, чёрная икра, жареные куропатки, немислимые фрукты, шампанское, коньяк, ещё чего-то, и ещё, и ещё, и прочая фигня... Он:

– Вы сегодня после работы ещё не ужинали, а мне всё-таки, пожалуй, чаю. С вареньем.

– Кто Вы такой? Что Вам нужно?

– Ну вот, опять пошли банальные вопросы. Поставьте уже когда-нибудь поднос, мадам, садитесь и принимайтесь за трапезу.

– Я не притронусь! Уходите!

– Перестаньте горячиться. Это уже несколько досажает. И не мучьте себя нелепыми подозрениями: я абсолютно бескорыстен, а если вы думаете о сексуальных домогательствах с моей стороны, то, поверьте слову джентльмена, подобных целей я перед собой вовсе не ставил.

– *(Ставит поднос на край стола; убегает в кухню, откуда раздаются её рыдания со всхлипами.)* За что? За что мне всё это?!

– *(Не вставая с места, из комнаты, бодрым голосом.)* Скромный ужин ждёт Вас, мадам! Вы там горячитесь, а здесь, кстати,

стынет. (*Открывает бутылку шампанского с эффектным хлопком и не менее эффектным провинциальным заикающимся журчанием разливае всё это по фужерам.*) Я хотел чая, и нынче я буду, обязательно буду пить Ваш чай, но позвольте начать нашу вечернюю трапезу с чисто ритуального глотка шампанского. У этого изысканного напитка есть масса достоинств, но один недостаток: очень быстро выдыхается. Я ни в коем случае не ставлю условия, но если Вы тотчас же перестанете хлюпать и вернётесь, то у Вас остаётся возможность отведать вкус и аромат непревзойдённого напитка, что особенно важно после работы в вашем, как это, офисе. В ином случае живое шампанское превратится в вялую кислую воду, а Вы, мадам, по своей воле (*подчеркну!*) – по своей воле потеряете уникальную возможность насладиться совершенством этого сверхчеловеческого творения и останетесь, простите, на бобах. Вам предложить бобы?.. Итак, утрите ненужные слёзы. Пузырьки в фужере жаждут Ваших губ и мучительно гибнут, не дождавшись встречи с ними.

Она выглядывает из кухни – с зарёванными глазами, но уже, в общем-то, покорная. Он, не вставая с места, протягивает ей фужер. Она осушает его одним глотком. Он:

– Мы не чокнулись и даже не познакомились. Нальём ещё. (*Наливает. Пьют.*) А теперь надо есть, есть: здесь разное и вкусное. Не стесняйся. А мне бы только чаю. Налей, пожалуйста, если не трудно. А себе – коньячку, только немного. Вот так.

Она ест. Сначала робко, мелкими кусочками, делая вид английской леди, увиденной по телевизору. Потом начинает просто есть. После – жрать, забывая об утирании рта салфеткой, как будто бы обильная пища на столе вроде пузырьков того самого шампанского. Он прихлёбывает чай. Молчат какое-то время. Он:

– Ещё?

– Зачем Вы меня унижаешь?

– А зачем ты меня обижаешь? Мы с тобой уже давно на «ты», и мне по-дружески хотелось сделать тебе приятное, и всего-то.

– Я же не дура. Так не бывает. Подходит человек с неприятным лицом, болтает всякую чушь, устраивает цирк с картинками,

потом, непонятно как оказавшись в моей квартире, пьёт мой убогий чай, пичкая меня, слабую женщину, той пищей, про которую я даже не читала ... Покупаешь меня? Почему – меня?

– Ну вот, ты уже горазда отдаться. Только не забудь: я же говорил, что никаких сексуальных интересов ты у меня не вызываешь. У меня лицо, может быть, и не очень приятное, но ты сама-то часто смотришься в зеркало?

– Дай ещё.

– Заказывайте, леди.

– Этого и – и того, чего не было ...

– Мне бы ещё чаю.

Она уходит разогревать чай. Когда возвращается, то видит стол, заваленный разной, совсем уже непонятной, но по запаху вкусной едой. Он пьёт чай, она жадно ест. Он:

– Хватит. Не насытишься. Столько съели английские короли вкупе с российскими императорами за два с половиной века. Даже Фуфлир Кирхеров не мечтал о таком, хотя, помнится, мечтал ... Теперь – к делу. Раздевайся.

– Я так и знала, а все твои слова ...

– Раздевайся.

– Зачем?

– Раздевайся. Ты мне надоела. Так надо. Так надо тебе. Точнее, так тебе хочется.

– Да. Нет, то есть да, то есть Вы же, мы же договорились ...

– У тебя не очень вкусный чай и весьма посредственное варенье.

– *(Язвительно.)* Большое спасибо, но ...

– *(Прерывая её.)* Ты уже разделась?

– При тебе – никогда!

– Хорошо. Помимо прыщей на лице, которые ты тщетно замазываешь какой-то дешёвой крем-пудрой и от этого выглядишь нелепо, если не сказать – жалко, у тебя по животу бегут ненавистные жёлтые пятна, а ноги ...

– Прекрати, подонок! Вон отсюда!

– Ухожу. *(Поднимается. Выдерживает краткую паузу.)*

Да, кстати, поесть ещё хочешь?

– Ничего от тебя я не хочу! (Пауза.) Откуда ты, мерзавец, знаешь?

– Я не сделал тебе ничего дурного, а ты уже несколько раз оскорбила меня. Нехорошо это. Я ухожу.

Он уходит. Моментально исчезает квартира со всем её убогим интерьером; она оказывается на улице в том самом месте, где встретила с Ним. День. К ней подходит весьма нетрезвый молодой человек с затухающими чертами утраченной культуры, которая ему на фиг не нужна.

– Деушк, мона спрсть, ск вр?

– Нет.

– Деушк, не увжшь.

– За что тебя уважать? Отдохни, пожалуйста, где-нибудь на скамейке.

– Ты не па-аишь: я к те с душой, а ты, бля, сука, ё-ть, не па-аишь... Вот ё-ть...

Она бежит. Этот – за ней. Очень пьяный, но почему-то очень быстрый. Она, задыхаясь, – к дому. Он вроде бы отстал. Она уже в квартире. Пьяный сидит за столом в её квартире. Говорит:

– Ну ты, мля, и бегать. З-чем? Если чё, то мы сигда. Корми уже. И – чтобы водочки.

– Пошёл вон! Нет у меня ничего, кроме лопаты. (Бежит в прихожую за лопатой.)

– Ты – так? Я – как бы по-дружеству, а ты – лопату. Значит, что надо... (Плохо разбираясь в ногах, встаёт, пытается настичь её, получает лопатой по голове, падает; кровь. Она вытаскивает его бессмысленное тело в подъезд: мало ли, дескать, бомжей с пробитыми головами валяются по подъездам.)

Она снова заходит в квартиру. Запирается. Её трясет. Нет, думает она, так нельзя. Звонит в милицию. Занято. Звонит ещё несколько раз. Занято. Выскакивает из квартиры. В подъезде пусто. Выходит на улицу. Никого. Возвращается обратно. За столом сидит человек в форме лейтенанта милиции. Он:

– Вы, кажется, меня вызывали?

– Нет, я, да, я, нет...

– Не волнуйтесь. Мы сейчас спокойно составим протокол по поводу убийства Вами двух человек.

– Как – двух? Я – только одного...

– Вторым буду я. Так что, прежде чем это произойдёт, давайте всё-таки составим протокол.

– Бред какой-то! Вы сами-то понимаете, о чем говорите?!

– А Вы понимаете, чем это Вам грозит?

– Никого я не убивала! Никого в жизни даже пальцем не тронула! Убирайтесь вон, не то милицию позову!.. Ой, простите...

– Будет, будет. Так. Теперь – чаю. И разденьтесь.

– Да за что же мне такая мука! (*Срывает с себя одежду.*) Вот, вот, вот – ну чего ещё надо?!

– Я же попросил: сначала – чаю.

Она, почти полностью раздетая, убегает на кухню; возвращается всё с тем же подносом; милиционера нет. Голос, неизвестно откуда, довольно резкий и властный:

– И долго ты, дура, будешь валять дурака? Я пришёл дать тебе шанс стать счастливой, а ты бомжей мочишь и ментов топишь в ванне.

Она бросается в ванную. Там действительно колышется на волнах совершенно неживой лейтенант. Она:

– Это не я! Не я!..

– Конечно, не ты. Я и пришёл с тем, чтобы ты стала истинной «ТЫ».

– (*С усталым отчаянием.*) Хватит издеваться. Я не верю ни в какого дьявола, но ты – дьявол. Отпусти меня. Что тебе, в конце концов, нужно?!

– (*Он появляется в комнате в том же виде, что и вначале.*) Ну, что ты, какой же я дьявол, право? Обидно только: хочешь обычному, милому, скромному человеку сделать доброе дело, а нарываешься на грубиянку, обжору, скрягу и убийцу...

– Уходи. Хочешь, на колени встану – оставь меня.

– Прекрати. Мы с тобой вроде бы познакомились, и ты, как мне кажется, ко мне немножко привыкла. Кстати, уже темнеет, а значит, скоро пора будет расставаться.

– Может, прямо сейчас?

– Почему бы и нет? Кстати, сходи-ка посмотри, как там жив наш лейтенант.

– Хватит, ты меня вымотал. Хочешь трахнуть – трахни побыстренькому...

– Я же говорил, что никаких сексуальных домогательств. Однако вижу, ты теперь готова к разговору.

– Да, да...

– Итак, я пришёл, чтобы принести тебе радость. Но сначала всё-таки разденься окончательно, а затем на всякий случай проверь мента в ванне.

Она послушно раздевается, идёт в ванную, не видит, естественно, там никакого милиционера, возвращается в комнату, где стоит зубодробильный холод. Она:

– Я оденусь: стало очень холодно.

– Потерпи. Так надо. Это скоро пройдёт. Теперь тебе следует слушать меня. Ты некрасива. Молчи-молчи, не надо упрекать меня в отсутствии светских манер. Ты не стройна. Тебе под сорок, и никаких перспектив ни в личной, ни в общественной жизни. Правда, тебе ещё чего-то хочется в этой жизни, в тебе пока ещё живут осенние цветики надежды на чудо. Тебе холодно, и всё же... Так вот, твоё чудо – это я. Сейчас ты просто дрожишь. Потом покроешься мурашками. Потом – инеем. После – посинеешь. А в конце концов – станешь стеклянной и разобьёшься. Я могу подарить тебе тепло, много тепла. Ты этого хочешь?

– Да.

– Тогда терпи и слушай ещё. Я уйду сразу же после того, как ты скажешь «нет». Тебе ведь что-то хотелось изменить в своей внешности? Не отвечай, я и так знаю. Давай, без лишней болтовни, начнём изменять. Мне, поверь, от тебя ничего не нужно. Только одна деталь: чтобы что-то прибавить, надо что-то убавить, и наоборот. Диалектический материализм, понимаешь, – а куда без него в нашем просвещённом веке? Согласна?

– Я немного устала. Ты вымотал меня. Но это забавная игра. Сколько она будет длиться?

– Ты невнимательна. Игра, говоришь?.. Я сказал: всё прекратится, когда ты скажешь «нет». Если, конечно, скажешь. Итак, первый раунд – это разминка, чтобы тебе стали окончательно понятны правила нашей игры. Вот ты стоишь передо мной вся абсолютно голая и зябнущая. Что ты хочешь изменить в своей внешности? Говори.

– У меня прыщи, и нос, и зубы...

– Начнём по порядку. Что сначала?

– Мне не нравятся мои волосы...

– (*Спокойно.*) Где?

– Как ты смеешь?! (*Пауза.*) На голове. Они жидкие, бесцветные и никак не укладываются.

– Какие ты хочешь?

– Красивые...

– Ответ весьма абстрактен, однако попробуем.

У неё тут же появляется роскошная копна бронзового цвета волнистых волос, струящихся по телу и ниспадающих аж до попы. В комнате становится теплее. Он:

– Так?

– Да-да...

– Это, как я говорил, только разминка. Дальше мы будем играть следующим образом: ты просишь меня изменить что-то в твоей внешности, а я прошу тебя отдать мне что-то ненужное тебе в твоём пока ещё нынешнем облике. Играем?

– А это честная игра? Я действительно стану красивой?

– Мы так хорошо начали, а у Вас, мадам, оскорбительные сомнения...

– Нет-нет-нет! Я хочу играть дальше. В конце концов, кто бы ты ни был, ты даришь иллюзию...

– Ни в коем случае не иллюзию – реальность. Не забудь: сейчас день. Иллюзии рождаются ночью. Итак, мадам? Впрочем, я давно уже знаю Ваше имя, но зачем его произносить?

– Играем. У меня некрасивый нос – толстый и кривоватый.

– Что отдашь за «операцию»?

– Что-то надо отдавать? А-а-а, забыла. Давай-ка я отдам прыщи на лице.

У неё идеальной формы нос и удивительно чистое лицо.

– У меня очень короткие ресницы и слишком близко посаженные глазки.

– Это целых две просьбы. Не торопись. Что ты отдашь за ресницы и за глаза?

– У меня на стопах маклышки...

– Хорошо. За каждый глаз – по маклышке, а за ресницы?

– Пусть не будет у меня жёлтых пятен на теле.

– Исполнено. Дальше.

– Мне не нравится моя шея. Она короткая, и уже там лишние кожные складки... А отдам я за это язву желудка. Можно?

– Конечно. Ты чувствуешь, что становится теплее? Ты смотри, внимательнее смотри в зеркало: скоро ты сама себя не узнаешь.

– Зубы! Вот. Чтобы все были на месте и – красивые. За это... За это – пускай ноги не будут волосатыми. И руки.

– Насчёт рук – это уж, прости меня, следующий ход.

– Тогда – грудь...

– Их у тебя, насколько вижу, две.

– Что, на каждую по отдельному ходу?

– Мадам, Вы, простите, жмётесь...

– Но ведь с зубами – их ещё больше...

– Ведь и волос у Вас на ногах было довольно много. Так продолжаем, или нет?

– Да, но...

– Но?

– Всё в порядке, всё в порядке. Хочу, чтобы они не висели у меня, как собачьи уши, чтобы были высокие, плотные, примерно третьего размера, с большими, немножко набухшими коричневыми сосками.

– Вот видишь, и волосы на руках пропали. Дальше?

– Знаешь, мне нравится эта игра. У меня, кажется, уже азарт. Теперь хочу тонкую талию и плоский живот.

– Не горячись, это два желания. Давай, опять же, по очереди.

– Что там – «не горячись»? Я отдаю тебе мозоли на пятках за одно и сутулость – за другое.

– Ты, подруга, от этого самого азарта начинаешь блефовать. Нет у тебя мозолей на пятках, и спинка вполне стройная. Придумывай, чем поделишься, только поскорее: медленные пасьянсы – для пенсионеров, к тому же день уходит...

– А можно – на будущее? То есть на то, чего у меня ещё нет, но может появиться?

– Мадам, мы с Вами, простите, благородные люди. Ну, представьте себе, мы, допустим, играем в карты, и Вы заявляете, что денег у Вас больше нет, зато они обязательно появятся через год, два... Нелепо – согласны? К делу. Итак, Вы говорите «нет» по поводу талии и живота?

– Нет, то есть я не говорю «нет». Давай я отдам по бессмысленному зубу мудрости за талию и за живот.

– Это никак невозможно: зубы уже подарил тебе я.

– А, вот! У меня в попе геморрой – забирай за талию! Живот-живот-живот-живот... У меня бывает дурной запах изо рта...

– Но ведь я же забрал твою язву, так что на этот предмет не печалься.

– Вспомнила: аппендикс! Он мне вроде бы не нужен, пусть достанется тебе.

– Готово. Посмотри в зеркало. Нравится?

– Очень. Только...

– Только – что?

– Мне кажется, что это уже не совсем я...

– Брось. Ты остаёшься сама собой, пока у тебя собственные мысли, чувства, темперамент, память, в конце концов.

– Ты знаешь, я ведь любила моё прежнее тело. Пускай оно было неказистым, но моим. Меня любил мой муж. Недолго, правда, но вроде бы любил. Игра, однако, насколько я понимаю, не окончена. Моих убогих мозгов тем не менее хватает, чтобы понять: я здесь не выиграю. Я не сдаюсь, нет-нет, только скажи мне, пожалуйста: что меня ждёт в случае проигрыша?

– Наивный ты человек: я дарю тебе красоту, совершенство. На такое не способен никакой косметический салон. Да, кстати, как ты убедилась, у меня – бесплатно.

- Это ты называешь – бесплатно?
- Да ладно, ладно. У вас тут всё вертится вокруг денег, поэтому я так и обмолвился.
- Ты не ответил. Кстати, становится довольно жарко.
- Ах да! Тебя даже в случае проигрыша ждёт слава, поклонение, богатство, ну а потом, конечно, смерть. А про «жарко» – пустое.
- А в случае выигрыша?
- Тогда проще – смерть, и всего-то.
- Знаешь, я к тебе, каким бы ты ни был, потихонечку привыкаю...
- А как иначе?
- Помолчи, пожалуйста. Мне кажется, что ты хочешь, чтобы я остановила эту безумную игру. Тебе-то это зачем? Вот перед тобой, как во сне, стоит голая красивая баба, которая совсем недавно была голой уродиной. Я, кажется, понимаю, чего ты добиваешься. Мне, вероятно, не выбратся. Знаешь, что? Ты, пожалуй, живи. Ты, конечно, сволочь, но ты приносишь недолгую радость. Мы, бабы, ты знаешь, доверчивы. А самая большая беда сейчас в том, что мне, такой красивой, хотелось бы от души потрахаться. И вот здесь получается незадача: ты сам не хочешь, да и не можешь, а к другим ты меня не выпустишь, даже если это будет бомж из подвала. Не тебе разбираться в том, насколько я грешна или, наоборот, праведна. Ты пришёл вроде как дать мне счастье, а оно, счастье-то моё, вот оно – в зеркале. Я, честно говоря, сама себе чуть ли не каждый день такое счастье «рисовала». Подмышки у меня воняют псиной...
- Что отдашь?
- Да ничего я не хочу больше отдавать – мне жарко.
- Что отдашь?
- Ну, хорошо, забирай себе волосы с пи...ы.
- Ещё?
- Что там ещё? Подмышек – две, губы на пи...е – две, даже четыре, да ещё и лобок!.. Мне жарко!
- Знаешь, давай-ка ты возьмёшь веник и подметёшь ту кучу волос, что валяется под твоими весьма нестройными ногами.
- Какая же ты дрянь!..

– За что? Ты чем дальше, тем больше забываешь, что я делаю тебя счастливой.

– Оставь меня. Мне очень жарко. Верни всё назад!

– Уже нельзя. Игра такая. Итак – ноги. Но сначала – веник. А пока подметаешь, подумай, что отдашь за ноги.

Она уходит на кухню. Возвращается с веником и совком. В комнате невероятно жарко. Волосы, кучкой валяющиеся на полу, вспыхивают, веник тоже загорается. Она пытается всё это подмести таким нелепым веником. Ей, конечно же, это не удаётся. Вонь стоит невыносимая. Огонь ползёт по всей комнате, и дело близится к пожару.

Мой рассказ приближается к концу, поэтому доброму читателю не стоит забывать о том, что это всего лишь рассказ, то есть случайный набор случайных слов. Не бойтесь. Всё будет хорошо. У вас. Боря с Вовой, кстати, тоже плачут, бедняги. Они не верят автору, в отличие от моего просвещённого читателя.

Она (*истерически*):

– Мы, кстати, горим!

– Ты хочешь опять кого-то вызвать?

– Я хочу жить!

– А ноги? Мы не доиграли про ноги.

– Возьми всё, сволоочь, – неужели не видишь: у меня пожар!

– Вижу, что пожар. Ноги у тебя были не очень стройными.

Теперь это уже не играет роли, поскольку ты сама сказала: возьми всё. Нет-нет, дружок, я честно оставляю тебе то, что ты выиграла. Всё это будет по частям валяться на полу, вплоть до лысых подмышек и лысой пи...ы. Пожарные вместе с ментами и сантехниками из скорой помощи будут смеяться. Работа у них такая – смеяться. Вот ещё какая удивительная вещь. По ту сторону пожара, который, поверь, никогда не прекратится, ты будешь печалиться по поводу нашей внезапной встречи. Мне это будет обидно. Мне, признаться, это всегда обидно. Пойми: ты очень хороша, ты невероятно красива, а кто ещё, кроме меня, оценит твои достоинства? Гори, гори, моя хорошая. Может быть, так тебе лучше. А теперь – прости: у меня работа. Много вас, красивых.

ПРО ОДУВАНЧИКИ

Ветер никогда не бывает норд-зюйдом или ост-вестом. Начитались мы, умные, бессмысленных романов о благородных пиратах и омерзительно сладких аглицких жентельменах с их хлорозными ле́дьями. Ветер бывает только двух видов: в морду и в лицо; второй ласковее, потому что не в морду.

Особенно зимой. Почти случайно. Почти двое (у него и у неё в голове столько разных людей, среди которых встречаются очень близкие). Им всё равно. Они любят друг друга. Они знают: больше никогда. И нигде больше.

Ветер. Так нельзя! Ветер.

Шёпотом на морозе – поздним утром: поцелуй меня; какая-то пригородная рощица – вся в пустоте и сугробах: как забрели только? Я больше так не могу – я тоже – нам негде – здесь – а давай здесь – холодно – уже не холодно. Тряпки на снег, возня с сапогами, дрожь и хохот; это ад нашей любви. Друг к другу, друг об друга, друг в друга – навсегда – эти несколько минут – навсегда. Катаемся по снегу, сцепившись, дрожим, дёргаемся, смеёмся – и любим, любим... Франческа... Паоло... Какой ватный снег; кожа не хочет чувствовать холода – мы любим друг друга – яростно, взахлёб – теснее, теснее, теснее – сплетаясь, растворяясь, отдаваясь на этом вечном русском народном снегу. Нам больше негде, некогда и, боюсь, никогда, разве что в дантовской комедии. Но кто же её напишет? И вот ты встала, нешироко расставив ноги и раскинув руки, громко закричала: «Как же холодно!» – и засмеялась.

В твоих всклокоченных, мокрых, покрытых ещё не растаявшим снегом волосах на голове случайно заблудился свеженький жёлтый тёплый одуванчик. Это было похоже на невероятную молитву, и никто на свете не сумел бы придумать человека красивее, чем ты. Потом – скучно: я непослушными руками помогал твоим непослушным рукам напялить шмотки, потом ты помогла мне сделать то же самое, потом дошли до какого-то паршивого шалмана, выпили там водки, и всё смеялись... Нам нельзя было больше встретиться. В аду все встречи внезапны и почти что случайны.

Почти что. Вероятно, ад – это пронзительно холодная печаль безнадёжности. Во всяком случае, пусть Тот, кто создал этот ад, примет мою мучительную благодарность. Если, конечно, захочет её принять. Где ты? Где ты? Ни адреса, ни телефона. Франческа... Паоло...

Ветер останется. Неизменный, непорочный, жестокий, как и всё бесполое. Они, может быть, забудут эту любовь на снегу, потому что останется только ветер: в морду, в морду, в морду – в лицо. В лица – голые и красивые.

СТУЛ

*Что такое действительность?
Это то, что брошенный стул бу-
дет лежать, пока его не поднимут.
Но действительность есть необхо-
димая форма только для жизни...*

И. Анненский

Ой как болит спина. Когда стоя, то это выглядит гордо, даже надменно. А вот когда тебя уронили, то спина превращается в бессмысленно выпуклый живот. Ужасно затекают плечи и поясница. Такое напряжение на ноги, которые никак не удаётся согнуть. Если бы были хотя бы коленки, то можно было бы перевернуться набок, а потом уж как-нибудь, но – встать. Кто-то в гневе или по пьяни обронил меня. К тому же, кажется, что-то хрустнуло между ногами.

Подошёл какой-то человек и стукнул меня от всей души по рёбрам. Я перевернулся: теперь – голова книзу, ноги кверху.

Позвоночник сломан.

Больно.

Самому не подняться – остаётся думать, точнее – вспоминать, ещё точнее – анализировать.

Я был стулом. Как я возник – не знаю. Я почувствовал себя самим собой, только когда на мне стали сидеть. Мне сначала было странно и тяжело, но я быстро понял, что моё предназначение – носить кого-то на моём горбу.

С меня соскакивали, сперва взобравшись. На мне качались и прыгали, сидя задом наперёд, грохотали и пели песенки. Какой-то доморощенный фокусник ставил на мою спину вазу с фруктами и поднимал меня с этой вазой за одну из моих ног. Не всегда хорошо кончалось. Для фруктов.

На меня забирались, чтобы вкрутить лампочку. Когда на меня, предварительно застелив мою спину газетой в качестве попоны, ставили чашку с чаем и каким-то бутербродом, я испытывал гордость: я маленький, а могу конкурировать с большим обеден-

ным столом. Он-то – праздничный, его-то покрывают скатертью, но праздников немного. И вот он, стол, стоит и гордится своим высоким предназначением, месяц за месяцем ожидая своих праздничных дней.

Надо мной смеялись: «Каков стол, таков и стул...» Столу это, видимо, не нравилось. Поэтому, когда его двигали люди, чтобы расширить место для забав, меня, уже нецелого, очередной раз толкнули. И вот продолжаю лежать.

Люди веселились. У них, вероятно, был праздник. Стол пыхтел от радости, поскольку каждый меня толкал ногой – не мешайся, дескать, – а стол выставлял всё больше и больше пищевых сокровищ, предназначенных для добрых людей.

Когда мне, лежащему, случайно сломали ногу, я подумал: может быть, теперь меня заметят – просто заметят...

Не тут-то было. Несмотря на мою бессловесную боль, я услышал писклявый голос: «Да кто же эту рухлядь закинул под наш стол? Выкиньте немедленно – у меня все ноги в царапинах!»

«Тогда немедленно пойдём жечь костёр! Мы запалим этот никому не нужный стул, и это будет законное возмездие за твои царапки!» – так сказал тот, в чьём доме я прожил несколько лет.

Ну, бросили меня на какую-то полянку. Радостно подожгли. Пока горел – наблюдал их радость.

Может, так и надо: стоять, сидеть, лежать, изредка царапаться, потом медленно и болезненно гореть, услаждая чьи-то капризы...

Никто не поставит уже меня на ноги.

Стул – таких, как я, наверно, много.

Но я-то один – по ту сторону вашей действительности.

КОЛХОЗ

Чё-то было очень весело.

От радости икалось в гортанях.

Между хохмами ели весьма немудрёную дрянь.

Тут стук.

Открываем.

Парень, лет тридцати, с красным лицом и синими губами. Побрит, но плохо.

Он:

– Вы здесь зачем?

– Как это – зачем? Вам, бездельникам, помогаем картошку собирать.

Он:

– Вы здесь видели картошку?

– Да мы только сегодня приехали. Вот – заселились. Закусываем, как видишь. Ты-то кто?

Он:

– Я?.. Я здесь живу. А вы – нет. И не будете.

– Постой, ты не больно гостеприимен. Садись, закусим вместе...

Он:

– Я закушу...

– Ну так что ж не садишься?..

Он:

– Картошки здесь нет. А я сейчас закушу.

КОНСПЕКТ

История – печальная наука. Что делать, если врут летописи или о чём-то умалчивают? А если вообще нужные летописи в своё время взяли да и решили не писать? Остаётся доверять устному народному творчеству, но ведь и там не обо всём спето. Тогда приходится привлекать писателей и поэтов, а у этих, как известно, одни фантазии на уме, и никакого дела им нет до истины: лишь бы поувлекательней да позаковыристей всё получилось. А хуже всего, что они с толку сбивают: уж так красиво всё изобразят, что поневоле хочется верить. И больше никакого сомнения не остаётся, скажем, в том, что русалка на ветвях сидит. Вроде бы твёрдо знаешь, что русалка – животное водоплавающее с хвостовым плавником, чешуёй и жабрами. Известно, что этот реликтовый вид распространён в нечернозёмной полосе Центральной и Восточной Европы, живёт в реках, а метать икру направляется в моря, где, впрочем, отдельные особи приспособляются к суровым условиям, но у них происходит мутация вторичных половых органов и голосовых связок. Клоака, оставаясь функционально неизменной, приобретает форму женской вульвы, внизу живота явственно выделяется лобковый бугорок, покрытый мягкой зеленоватой растительной массой, а ниже намечается разделение основания хвоста, напоминающее по конфигурации зарождающиеся бёдра. У отдельных особей эта расщелина ниже вульвообразной клоаки сквозная, однако хвост в своём завершении вполне сращённый и внешне продолжает напоминать рыбий, как и у пресноводных русалок. Цвет эпителия у морских мутантов зеленоватый, в отличие от бледно-лунного у речных обитательниц. Голос же у морских русалок громкий и пронзительный, но не лишённый определённой мелодичности, в то время как у их пресноводных сородичей голос приглушённый и хрипловатый. И ещё – у морских русалок глаза без зрачков и без век, но зато между пальцами рук нет характерных перепонки, напоминающих лягушачьи. Руки служат этим созданиям исключительно для балансирования в водной стихии, а также для личной гигиены, хотя, впрочем, с точки зрения эстетической они далеко

не лишние. Пищу русалка ловит ртом и пережёвывает довольно крепкими зубами, напоминающими человеческие, но растущими в три ряда и ежесезонно сменяющимися.

В отличие от речных и морских, озёрные, прудовые и омутовые русалки утрачивают способность к воспроизводству, но срок их жизни значительно длиннее. Они существенно (в два, а то и в три раза) меньше размером, чем вышеописанные разновидности, более пугливы, но и более коварны. Они могут употреблять в пищу не только водоросли, моллюсков и земноводных, но также рыбу, птицу и, в редких случаях, отдельные виды млекопитающих, в частности некрупных человеческих особей.

Своеобразным анатомическим элементом является у всех русалок парный орган в передней части корпуса, по форме удивительно напоминающий женскую грудь классического очертания. Красота линий и упругая грациозность этого органа до сих пор вводит в эротическое заблуждение многих исследователей, в то время как эти железы выполняют в организме животного две жизненно важные функции: они являются своего рода присосками, с помощью которых описываемые создания могут прикрепляться к какому-либо крупному предмету (например, днищу корабля или лодки), а также выделяют едкий секрет с повышенным кислотным содержанием, который русалки выпрыскивают из сосковидных отверстий в минуту опасности или просто тревоги. Гибнущие в результате этого живые организмы не пригодны в пищу.

Как это ни парадоксально, среди русалок изредка встречаются экземпляры, довольно привлекательные с мужской точки зрения.

Открытый воздух губителен для этого семейства.

На ветвях русалка сидеть не может.

Тем не менее, являясь промысловым видом, она приносит человечеству определённую, хотя, по правде сказать, довольно скромную пользу. Её мясо малопригодно в пищу из-за кислото-того вкуса и специфического запаха, независимо от того, в каких водоёмах русалка поймана. К тому же её мясо практически не поддаётся хранению и транспортировке, потому что в любой среде – влажной или сухой, тёплой или холодной, кислотной, щелочной

или нейтральной (включая этиловый спирт) – оно теряет волокнистость и упругость, становится рыхлым, створоживается, а через несколько часов превращается в полупрозрачную буроватую желеобразную массу, обладающую большой степенью летучести. При термической же обработке этот продукт моментально густеет и окаменеет, резко теряя в объёме.

Определённую ценность представляет хвостовая чешуя, имеющая достаточную плотность и содержащая некоторый процент соединений драгоценных металлов. После длительной и довольно трудоёмкой химико-технологической обработки она идёт на изготовление ювелирных изделий. В мире до сих пор существует несколько подобных перерабатывающих предприятий (Республика Гондвана, Корнельский архипелаг, Нижний Занзибар, Соединенное Королевство Имбирии и Косталани), однако все они нерентабельны.

Волосы речных русалок идут на изготовление пеньки, хотя растительное сырьё дешевле и прочнее, волосы же морского вида перерабатываются в фармакологии для производства приворотных средств для мужчин. Эти научно разработанные средства существенно эффективнее того, что предлагает традиционная чёрная магия, однако имеют ряд побочных действий, как то: интенсивная рвота, зеленоватая пигментация конечностей, импотенция, клаустрофобия и хронический педикулёз.

По вкусу русалочья икра напоминает лягушачью. Несмотря на обильную пенообразную массу, в этой икре остаётся мало жизнеспособных зародышей. Но те, что вылупляются, очень быстро набирают в весе и размерах и уже через три-четыре месяца достигают величин взрослой особи, если, конечно, их кто-нибудь по ошибке не съест. Правда, функционально они остаются мальками, потому что способность к воспроизводству у них появляется довольно поздно – к 45–48 годам. Эта способность неизменно сохраняется до конца жизни, которая длится до 300, иногда 350 лет, если, конечно, трагические обстоятельства не прервут её раньше. В течение всего жизненного срока у русалок не обнаруживается никаких признаков старения, что с трудом находит объяснение в мермейдоло-

гии. Одна из рабочих гипотез сводится к тому, что здоровый образ жизни, свежее натуральное питание, личная гигиена, отсутствие вредных привычек и редкие, хотя и регулярные, сексуальные связи способствуют уникальной консервации наружных и внутренних органов данного вида. Кстати, вне зависимости от способности к деторождению русалки начинают вступать в половые связи примерно с полуторагодовалого возраста, однако сезон спаривания у них бывает лишь раз в году, во второй половине июня, после чего они совершенно латентны. Сам процесс спаривания данного вида своеобразен. Дело в том, что, несмотря на сходство с феминормными представителями человечества, половые органы русалки в активный период в равной степени обладают характеристиками как самки, так и самца. Спаривание (термин в данном случае не совсем адекватный) проходит коллективно (знаменитые русалочки хоро-воды), в процессе чего каждая особь получает возможность полностью реализовать свои бисексуальные потенции.

Это происходит следующим образом. В момент возбуждения клоака увеличивается, набухает и образует две припухлые вытянутые складки вокруг отверстия. Сходясь наверху, они создают бобовидное утолщение, которое неравномерно пульсирует, то сокращаясь, то увеличиваясь. Всё это имеет подвижную желеобразную консистенцию, и набухание складок ведёт за собой сокращение в размерах вышеназванного утолщения, которое как бы утопает в вагинообразной плоти. Стягивание же складок придаёт им форму упругих шариков, и в это время бобовидное образование оформляется в орган трубчатой формы с характерным завершением в виде нераскрывшегося гриба. Обильно выделяющаяся в это время слизь способствует безболезненной и мягкой интромиссии между особями, а пульсирующая плавная изменчивость конфигурации половых органов обеспечивает перманентную психосоматическую безболезненность смены сексуальной роли. Подобная физиологическая особенность вида даёт каждой особи возможность испытать всю гамму эротических ощущений.

Несмотря на кажущуюся спонтанность и неупорядоченность, инстинкт совершенно автоматически помогает русалке отыскать

в группе противоположно сориентированную особь, а когда мужская функция осуществляется и, естественно, переходит в состояние пассивности, то она немедленно преобразуется в женскую функцию, и особь продолжает полноценно участвовать в «хоро-воде», который завершается тогда, когда у всех вовлечённых мужская активность ослабевает окончательно. Для её восстановления требуется как раз целый год. В результате этой процедуры все плодоносящие участвующие оказываются беременными и отправляются на нерест. Выброс икры происходит уже через две недели, а ещё через четыре-пять дней новорождённая русалка освобождается от икорной оболочки.

Ergo: литература в лице её лучших представителей оказывается ещё большим нонсенсом, нежели история, не говоря уже о науке.

ЗАЧЕМ

Зачем.

Это слово давно уже перестало быть вопросом.

За-чем.

За – значит после.

Чем – значит...

Ничего это не значит.

Чем-чем-чем – это тихий ржавый звук, вроде как отработанных коров ведут на убой.

Чем-чем-чем... Да чем угодно. Потом уже начнется: за.

Я была такой красивой. У меня не было почти родителей, но меня почему-то растили, кормили, ласкали, может быть, даже любили. Не помню. Я была маленькой девочкой, а потом сразу стала большой. Мне сказали: «Ты большая», и я кивнула. Послушная. Стала большой.

Увезли.

После стало ясно, что я царица. Какой-то непонятный человек со слюнявой улыбкой ковырялся у меня между ног. Он говорил, что ему это нравится. Он говорил, что мне тоже это нравится. Не знаю.

Жизнь проходит. Теперь я точно знаю, что жизнь кончится. Тогда было немножко скучно; чужой староватый человек с бородой и бородавкой называет меня своей царицей и ковыряется по мне и во мне. Он ещё дышит. Раньше я никогда не думала, что люди дышат. Оказывается, да. Противно. Ведь люди.

Какие-то другие люди приносили мне одежду, еду, питьё, сосуды. Чтобы я туда, ну, понятно.

Я одевалась, питалась и всё прочее.

Не интересно.

Одно и то же.

Зачем.

Пришел ночью этот хороший мальчик. Он схватил меня за руку, сказал, что, честно, не будет ковыряться, и спас. От мужа. Дурак. Я-то, конечно, дура, но я ни в чём не виновата. Мальчик невнятно

болтал про трёх богинь, про кислое яблоко, а главное, про своё совершенство. Зачем он так любил себя? Ведь умрёт. Жалко его. Зачем?

Он мне глянулся. Он ещё слова какие-то говорил с акцентом, когда мы болтались по волнам.

Зачем.

Теперь-то я понимаю. Нет, не понимаю. Но тогда. Простите, если хотите. Я так стара. Вам бы, не дай бог, то есть боги.

Мне не разрешили стариться. Умирать можно. Долго. Не хочу. Давно пора. И зубы-то все на месте. Только – как я от вас от всех устала. Ну, знаю, знаю, что всего лишь эксперимент. Почему надо мной? Если бы над кем другим, то – в чём же разница? Мне ещё есть чем делиться: я красивая. Красивая... Не знаю... Кто сказал?... Господи...

Да... Мальчик. Давно. По волнам.

Дрянь этот мальчик. Трусом был. Не ковырялся. Хихикал, забавлялся ночами с какими-то рабами, а днями всё больше кувыркался с козлятами. Тьфу! Хотя нет, не тьфу. Я же уехала с ним от этого, с бородавкой. От мужа. Потом скажут, что боги приказали, а мне-то самой было интересно: говорят, поедем – ну и поедем.

Я не виновата.

Я не виновата.

Вы всё сами. Сами! Он вообще с козлятами. Я это говорила. С другой стороны, если бы я не уехала, ничего бы не было. Ничего бы не было. Я было хотела сказать: простите, но ведь вы все сделали из меня бессмысленную героиню – и кому это нужно? Вот я с радостью вспоминаю... Впрочем, что я там вспоминаю? Мужики дерутся. Старцы пускают слюни. «Похититель» забавляется с козлятами. Мой с бородавкой размахивает мечом, и ему никто не мешает. Скучно.

Сколько людей погибло. Много хороших. Я-то тут при чём.

Вру. Вру. Мне много лет. Я знаю, что умру. Скорее бы. Ни один из вас не принёс мне радости. Всё меняется, считаете вы. Вы хозяева перемен, считаете вы.

Я дочь бога. Доброго бога. Простите, что уже не умею любить вас. Отец сотворил меня вот такой: славной, милой, стройной, нежной, весёлой, умненькой... умненькой...

Болтаю? А что нам в нашей вечности ещё желать – журчим себе...

Где тот, который бы не любил меня – по-мужски, спокойно и уверенно?

Все кругом были, понятно, героями: и толстопузый Гектор – его ударил по голове прыщавый юноша Ахилл, которому страшно было вступать в драку, а ещё страшней – оставаться наедине с женщиной, как там: Хриси, Бриси...

Герои... Лизали друг друга со стихами Гомера.

Гектор этого Патрокла и убивать-то не хотел: так, пнул его для забавы. Умер герой. Потом и самому Гектору... Впрочем, я об этом говорила. Ещё потом и того, капризного, пчела укусила в пятку. Плакал! Даже умер.

Как скучно.

Почему-то привыкаешь, когда люди умирают. Противно это и жалко как-то. Их самих-то не жалко. Много их. Дураки.

Шкаф на колёсиках приняли за дар богов. Три с половиной бандита в шкафу – даже не смешно.

Все всех убили. Мне проще: меня нельзя.

Ну что же это такое!

Я до сих пор никого не люблю!

Муж потом снова ковырялся между моих ног. Неинтересно. Опять дышал. Потом умер.

Детей у меня нет. Не хочу. И вероятно, не умею.

Одна.

Я красивей тебя, Афродита. Даже сейчас я красивей тебя.

У нас с тобой есть кое-что общее: нас никто не любил. Но и разница: из-за тебя не убивали.

Мой муж умирал старым – с вонючим ртом, гнойными глазами... Он пытался ковыряться у меня там же, где всегда. Он был, видимо, счастлив.

Я ему ни разу не соврала.

Я никогда сама не хотела тягаться с тобой, богиня.

Зачем вы, боги, создали меня?

Неужели я тоже никогда не умру?

Зачем.

РАССКАЗ О КОНЧЕНОМ

– Царевна, ты пленница, но со мной можешь считать себя свободной.

– Считать?

– Пока.

– Ты знаешь, что будет после?

– Я царь...

– Вот ты – царь. Твоя нечёсаная борода пропитана приторным вонючим жиром. Из рта у тебя воняет гнилью, а уж ноги... Ты бы хоть раз в жизни помылся.

– Помоюсь.

– Я знаю. Помоешься. Раз в жизни...

– Что ты имеешь в виду, царевна?

– Я никогда ничего не имею в виду. Я надёжно знаю: ты помоешься.

– И ты мне в этом поможешь? (*Гаденько хихикает.*)

– Конечно. В омовении.

– Что-что?

– Ты не оглох. Это тебе не грозит.

– Что – не грозит?

– Оглохнуть.

– Царевна, ты перестаёшь мне нравиться...

– Ну и что? Я никому не нравлюсь.

– Ты разговариваешь дерзко. Так не подобает...

– Ещё одно подобное слово, царь...

– А вот теперь ты – действительно пленница.

– Ты так в этом убеждён, царь? (*Лицо мраморное, без выражения, как и в самом начале.*)

Очень долгая пауза.

– Ты бы встал, царь. Перед тобой стоит, как ты заметил, женщина.

– (*Начинает спокойно. Продолжает иначе.*) Слушай, ты слишком много о себе воображаешь. Оглянись. Хотя, впрочем, не стоит... Нет, всё же – оглянись! Я – приказал!

– Дурак ты. Я и так всё давно знала и видела. Так ты, вонючий варвар, всё-таки не встанешь? В каких только Микенах тебя воспитывали...

– Как ты смеешь, тварь?!

– Чуть раньше ты меня называл царевной.

– Рабыня!

– Чуть раньше ты меня называл свободной. Ты не благороден, а значит, ты не мужчина.

– Хватит. Ты испытываешь моё терпение.

– Нет, царь. Я просто знаю, чего ты от меня ждёшь.

– Ты знаешь, царевна... Поверь, я почти что успокоился...

– Ты и твои люди убили всех моих родных.

– Не в этом дело...

– Полагаешь? Ладно. Продолжай.

– Вот что меня смущает: кому это всё нужно?

– Дурак. Почему ты меня не убил?

– *(Медленно и задумчиво.)* Я не дурак как раз потому, что тебя не убил. Ты знаешь, я единственный, кто тебе верил, и я думал: а вдруг ты, когда всё это только началось, придёшь ко мне. А вдруг ты расскажешь обо всём, что случится. А вдруг я сам, несмотря на риск, прокрадусь к вам «в гости» и убью её...

– Царь, царь... Та – она никогда не умрёт. Она проклята. Нет-нет, она не будет бродить по земле безотрадной тенью. Вы, варвары, спешите зарыть усопших, наивно веря, что хороните и тело, и душу. Дети вы. Глупые, самодовольные дети, ничего не ведающие и убеждённые в правоте своего неведения. Вы считаете, что если тело умершего не предано земле, то душа его вечно будет бродить по земле безотрадной тенью... Чушь.

Та. Она станет утренними бликами и вечерними всполохами. Она станет шелестом весенней листвы и шорохом опадающих листьев. Симфонией гроз. Ураганным гулом. Невнятицей прибоя. Мучительными и сладостными снами. Карнавалом снежинок на ветру. Пылью знойных дорог. Собором птичьих песен. Вожделеной и пугающей болью. Мечтой. Проклятьем. Горечью совершенства...

- Замолчи, умоляю. Ответь: всё, что случилось, ради этого?
- Я ничего не знаю про то, что случилось. Я знаю только о том...
- Не продолжай...
- Боишься... Вечные десять лет. Ты убил свою дочь, чтобы на протяжении этих чудовищных лет ждать встречи со мной и страшиться этой встречи? Вот я перед тобой. Но я враг.
- Я повторю: я был, наверно, единственным из смертных, кто верил тебе. А сейчас мне верить страшно.
- Всем страшно. Поэтому так всё и кончилось.
- Кончилось?
- Да, царь. Не спрашивай меня, царь. Тебе не стоит мне верить.
- Подожди, царевна. Если бы...
- Послушай, царь, теперь наконец-то с тобой можно разговаривать. Повторяю: я твой враг. Но я на тебя никогда не накину сеть и не подниму кинжала. Знаешь, царь, если хоть что-то было бы в моих руках... Это так здорово – не быть всезнающим тираном, а просто честно и с болью в сердце говорить вопрошающим о том, что реально будет. Царь, ты, несмотря ни на что, меня растрогал, потому что ты решил со мной поговорить. Самое страшное, царь, что я ничего не могу изменить. Я бы, поверь, с радостью смыла твой навозный запах, но у тебя накопилось столько всего, от чего я тебя не спасу. Не нам решать...
- Мне странно слышать твои слова... *(Встаёт.)*
- Ну вот, наконец-то. *(Он печально ухмыляется, ходя из угла в угол. Она садится и продолжает.)* Знаешь, царь, ты становишься мне симпатичен, потому что исправляешься. А исправляешься – потому что боишься. А боишься – потому что, на удивление, умён и понимаешь, что я не обучена врать. Великий бог наделил меня даром всезнания, но отвратил убогий людской слух от моих речей. Ведь ты мне тоже не веришь – загляни себе в душу – не веришь. После всего, что случилось, у тебя осталась хлипкая и хрупкая надежда, что я скажу тебе ту «правду», которая тебе будет мила. Либо – иную правду, с которой ты, герой, сумеешь побороться

и справиться. Я тебе, в общем-то, всё сказала. Я не в силах ничего исправить...

– Так ты же ничего не сказала! Я... я... я не хотел, чтобы всё это случилось!..

– Мне горько, царь. Вот всё, что я могу добавить. Впрочем, ещё: чудес не бывает. Бывает только промысел богов.

– Послушай, царевна, мы одинаково несчастны...

– О нет, мы, как и всякий смертный, несчастны по-разному.

Результат, к счастью для нас, смертных, один...

– А после? Неужели я, убивший твоих сестёр и братьев, отца и мать, неужели потом тот же результат?..

– Что изменится, если я тебе скажу, царь?

– Ты права. Не говори ничего. А впрочем, что-то там ты говорила про омовение...

– Всё уже расчислено. Телом ты будешь чист. Как бы ты ни бежал, тело твоё омоют близкие тебе люди. Кто осквернит, тот и омоет. Я буду рядом. Рядом.

– Я не хочу тебе верить, потому что догадываюсь о твоих происках. Ты гнусная ведьма!..

– Знаешь, царь, я в тенётах великого бога, поэтому твоё благородное восхождение к очередным оскорблениям меня ничуть не трогает. Ты просил – я сдерживалась, но почти ответила. Этого «почти» тебе достаточно.

– Постой. Сядь. Я, впрочем, тоже сяду. Давай медленно разберёмся. Я буду убит, когда стану принимать ванну, и убьёт меня кто-то из близких...

– Убьют.

– Теперь это уже не важно. Что мне делать?

– Возвращаться.

– Ты шутишь или издеваешься?

– Всё предрешено. Ты вернёшься и умрёшь.

– А если я останусь?

– Всё предрешено. Ты вернёшься и умрёшь.

– Слушай, ты, сука! Я десять лет не видел жену. Я тосковал по ней, и ни одна из ваших местных блудей не могла заменить мне

красоты, совершенства, нежности, заботы, искренности моей...
И ты утверждаешь...

– Не я. Боги.

– Какого чёрта ты всё ссылаешься на богов? Мы победили вас, сожгли, разграбили, изнасиловали... А ты – боги, боги... Я долго молчал о главном – теперь скажу...

– Я знаю, о чём ты хочешь сказать.

– Плевать мне на тебя! Ходил слух, что ты не уступила домогательствам вашего бога и он наградил тебя двумя «дарами»: всезнанием, которое для всех неудобно, поэтому никто в твои пророчества верить не хочет, и позорной девственностью. Значит, если тебя возьмёт какой-нибудь мужчина, то ты лишишься божьего заклатья и станешь как все твои «сёстры», покорной и бессловесной рабыней.

– Знаешь, царь, ты жалок. Мой завет с богом – это только мой завет с богом. И не тебе, герой, нарушать его.

Он хватается её за плечи и пытается содрать одежду. Она не сопротивляется. Она вырастает, и голова её почти упирается в потолок. Расширяются скулы. Глаза становятся огромными, раскосыми и приобретают насыщенный изумрудный цвет. Сквозь будоражающую улыбку тонких губ игриво мелькает раздвоенное жало тонкого чёрно-коричневого языка. Тело обнажено, но оно уже не человеческое. Червь, змея, птица, гиена, кошка – определить невозможно, однако все животные формы перетекают друг в друга, и только эти огромные зелёные раскосые глаза и эта хищная улыбка... Тварь ничего не говорит и вроде бы ничем не угрожает. Но – взгляд. Он понятен.

– (Мужественно скрывая чувство ужаса.) Хватит. Я, вероятно, устал, вот что-то и примстилось. Наш разговор затянулся. Обоим надо отдохнуть. Я прикажу отвести тебя в царские палаты.

– Мои царские палаты сожжены тобой.

– Боги! Когда же ты перестанешь меня изводить?!

– Скоро.

– Знаешь, царевна, хотя ты и так всё знаешь, мы с тобой поедим прямо сейчас, хотя ночь на дворе и море неласково. Спасибо тебе, кое-что я понял. Ответь: мне будет очень больно? Нет-нет, ты знаешь, что к телесной боли я отношусь спокойно и сдержанно.

- Ты не успеешь.
- Спасибо, царевна. На корабле мы с тобой беседовать, естественно, не будем, поэтому давай-ка договорим.
- Я знаю, о чём ты хочешь меня спросить. Тебя не забудут.
- А ты?
- *(Она печально и долго смеётся.)* Позволь, царь, вопросом – на вопрос: ты хоть понял, как меня зовут?

*

Она единственная наряду с ближайшими удостоена чести омыть искалеченное окровавленное тело. Она, как самая благородная рабыня, удостоена чести быть сожжённой заживо на погребальном костре. Жертва богам во спасение. Чтобы больше – никто никому ничего никогда ...

ДЕБРИ

Собакам не на кого лаять. Устали, наверно, и, скорее всего, обиделись. Глаза – красные, слюни в траве путаются, мешая труситься быстрее, потому что гнаться вроде как не за кем. Хозяину-то развлечение, а у них стимул: может, что-нибудь из добычи перепадёт. Домашние-то домашние, друзья (действительно друзья) человека, но ведь дружба – взаимное чувство и устойчивое состояние. Обидно.

Не задалась охота. Побегали, воздухом лесным подышали. Для здоровья. А добыча? Где она – добыча?

Возникла было тень лани – изящной, красивой, гордой, как они все, – нет, скорее высокомерной. Стрельнул охотник пару раз. Вроде бы в цель, а мимо. А стрелок он отменный. Лань, или тень её, стояла под выстрелами, не убегая, а потом – неизвестно как и куда, но мгновенно растворилась в лесной чаще.

Вернётся свора – хозяин-друг, конечно, накормит. У него что-то всегда на такой случай заготовлено. Но ведь не коты же кастрированные – собаки. Охота охотиться!..

Хозяин глядит виноватыми глазами. У него и колчан-то полон стрел: не в кого было стрелять, а в кого стрелял, то, на позор себе, не попал. Гладит по холке каждую псину. Ладно, идём домой без добычи.

А забрались-то в такие дебри! Без верного собачьего чутья до дому и не доберёшься. Идём-идём, выйдем как-нибудь с божеской помощью.

Что-то тихо стало. Птицы, кузнечики, цикады вдруг разом замолкли, будто незримый дирижёр энергичным взмахом палочки приказал всем взять нескончаемую ноту молчания. Даже трава и листья не шелестят. Странно как-то. Идём, идём.

Что это? От кипариса отделяется тень. Нет, не тень уже – ясные очертания обнажённой женской фигуры высокого роста. Тело мутно-прозрачного изумрудного цвета. Длинные зелёно-коричневые волосы ниспадают тяжело и свободно. Она идёт, нет, не идёт – она скользит над травой без единого шороха. Она медленно обочивается. Золотые огромные глаза с фиалкового цвета зрачками.

Она улыбается охотнику и, столь же медленно развернувшись, продолжает идти.

Творится что-то загадочное – и страшно, и затягивает. От всех кипарисов, пиний, дубов отделяются зеленоватые женские фигуры и шествуют куда-то в благоговейной тишине. Каждая из них время от времени оборачивается в сторону охотника, а он, очарованный, зачарованный, замороженный, волей-неволей тянется за ними.

Лесное озеро. Зелёные красавицы древо-девы окружают его и медленно начинают танцевать. Они поднимают вытянутые руки, раскачивают ими в такт. Они, вероятно, что-то поют, но эти звуки не могут быть услышаны смертными. Их длинные волосы то взлетают, то опадают, то сплетаются, то расплетаются. Из глубины на поверхность всплывают девы озера. Они плавно кружатся на водной глади, то соединяясь, то размыкая круг. Затем они плавно выходят на берег. Тонкие аквамариновые тела – чудится: не их породила водная стихия, а они сотворили её. Длинные волосы цвета индиго. Чуть раскосые глаза, как аметисты поутру...

Это не для смертного.

Все – и зелёные, и синие – припадают к земле, по кругу, по обрамлению лесного озера. Перед той самой ланью склонились они. Величественно ступая, подходит благородное животное к кромке воды. Поднимается на задние ноги... И вот уже стоит медведица...

Что происходит? Боже, что происходит?!

Преображение. Богиня. Обнажённое тело высотой... высотой... И не понять: то она ростом с маленькую девочку, то уходит головой в облака. Как будто бы воздух, вода, листва, свет солнца, рассветный и закатный, – вся ярость львицы и кротость лани, румяный азарт охотницы и бледный трепет жертвы, и ещё, и ещё – слилось, как симфония, в её облике. Это уже не красота; это по ту сторону убогих людских восприятий и фантазий.

Она открыла глаза. Заколыхались и зашелестели древо-девы и дево-воды. Она улыбнулась, и тут же к озеру сбежались все лесные жители – звери и даймоны. Она царственно взмахнула рукой, и под недоступную для смертного слуха музыку закружились в красивом, страстном неистовом танце те, кто окружал её.

Величественно-лениво она вошла в воду и легла на спину, раскинув руки и расставив ноги, обратив свой взор к лазурному небу. Не отвращая взгляда, она произнесла голосом, в котором истома и ужас неразрывно сплелись:

– Чем это убогое отродье удостоилось чести видеть меня во всей моей красе?

Охотник вышел из прибрежных кустов. Богиня повернула голову и метнула в него две молнии ослепительного взгляда. Охотник вскрикнул, закрыл руками глаза и рухнул на землю ничком.

– Великая богиня, я узнал тебя! – кричит в благоговении и страхе ослеплённый охотник.

– Кто дал тебе слово, жалкая тварь? – раздался тихий устрашающий голос. – Ты хочешь быть моим, в моей свите?

– Да, хочу! Навсегда!

– Любишь ли ты меня?

– Как только увидел лучи восходящего солнца, как только услышал стрекотание кузнечиков и пение малиновки, как только принёс первый охотничий трофей, как только...

– Ты скучен. Я задала вопрос.

– Как можно не любить тебя, богиня?..

– Любовь требует жертвы. Когда ты приносил её мне в последний раз?

– Я... Я... Я – сейчас...

– Я верю тебе, охотник. Теперь ты – в моей свите. Встань и не бойся. Глаза твои зрячи. А твоя жертва – скоро будет и жертва.

Охотник встаёт, но не на две, а на четыре ноги. Стоит неуверенно. Мотает головой – что-то тяжело. Там венец из рогов. Хочет что-то сказать – только гулкое мычание изо рта. Бросается в ужасе бежать куда попало.

А тут – собаки. Его собаки. Заждались хозяина, застоялись. И вдруг – такая удача! Хозяин, как появится, будет рад.

Под пах ему! В горло! Колени, колени, перекусывай колени! Выгрызай кишки! Готов. Отхрипелся. Кто-то, наверно, встретился, пригласил на чашу вина. А про нас забыл, про голодных...

ДЕНЬ IV

Колокольный вой. Вертикальный, растущий, как бешеное дерево. Бессвязно несущийся к богам.

Они идут: матери, отцы, а с ними прочая приبلуда. Их тысячи – со всех концов убогого острова.

Перед дворцом валяется куча трупов. Ещё вчера эти бывшие люди могли похвастаться своей красотой, знатностью и богатством.

Царь повелел: не хоронить. И вот он – бунт.

Царь медленно спустился по ступенькам. При себе у него не было ни оружия, ни доспехов. Ему достаточно было усталого презрения, прилипшего к выражению лица.

– Стоять, собаки, – даже не крикнул, а, наоборот, с какой-то скрываемой зевотой произнёс он.

Многоголосый вой усилился. В нём зазвучали тоны отчаяния, переходящего в гулкую агрессивность.

– Молчать, собаки. Если хотите – заберите эту пададь. Я им не хозяин. Я хозяин вам всем.

Толпа упала на колени. Вой превратился в плач, а потом снова в вой. К ногам царя поползли женщины, моля о милости – похоронить сыночков...

Царь присел на ступеньки. Он подождал, пока тела убиенных убрали, потом начал говорить.

– А ну, собаки, сию минуту подмести царский двор, и чтобы ни капли вонючей крови ваших поганых отродий здесь не осталось.

Крепкие бородатые мужчины послушались царского приказа и стали деловито заметать кровь своих сыновей.

– Стоять, молчать и слушать, собаки, – слова царя произнесены были тихо и лениво. – Двадцать лет вы, твари, слышите, двадцать лет (*его голос оставался мягким и спокойным*) вы жили без царя. Вы решили до срока похоронить меня. Вы хотели убить моего сына, а жену сделать грязной блудницей. Не удалось вам.

Толпа разразилась трусливым гулом.

– Слушать, твари, – с тем же спокойствием продолжил царь. – Мне тошно говорить с вами, но всё же я скажу. Запомните: я, и только я победил в самой страшной из войн, которые знало человечество. Я, и только я посвятил эту победу моей жене, моему сыну и моему острову. Я, и только я проплыл сквозь западные земли, чтобы вернуться. На колени, сволочи.

Вся толпа упала на колени. Даже сын. Царь подошёл к нему, положил руку на голову и ласково сказал:

– Вчера ты был со мною рядом. Сегодня ты с ними. Вероятно, это правильно. Будь с ними. Попытайся сделать из этого стада хотя бы подобие людей. Тебе будет трудно. Сынок, я знаю, что ты искал меня. Я счастлив, что мы нашли друг друга. Тебе будет трудней, чем мне. Что поделать – таков удел царской крови. Единственный совет: попробуй полюбить эту мразь, которая пару минут назад хотела растерзать тебя, а сейчас, забыв об убиенных сыновьях, готова лизать твои пятки. Хочешь – прикажу? Станут лизать.

– Встать! – тихо скомандовал царь, и вся толпа медленно поднялась. Сын было тоже решил подняться, но рука царя удержала его.

– Вот ваш новый царь. Вы и ваши сыновья хотели убить его. Не удалось. Он добрый и всепрощающий. Я вижу его всего второй раз в своей жизни, но твёрдо убеждён: он – царь. Горе тому, кто хотя бы в мыслях своих рискнёт покуситься на его жизнь. Боги жестоки, но справедливы, а мой голос нынче – это голос богов.

– Слушать меня, ублюдки, внимательно слушать! Я десять лет воевал, чтобы прославить в веках моё царство. Я – единственный живой, вернувшийся из западных земель, чтобы увидеть жену, сына и... И такую мерзость, в которую превратились мои добрые подданные. Вы заживо похоронили меня. Вы превратили мой дом в пристанище пьяниц и блудниц. Вам мечталось, чтобы моя жена спала с сытыми накрашенными выродками ваших «благородных» семей. Они жрали мою пищу, пили моё вино, они вождели мою жену и охотились на моего сына. Сын, теперь встань! А вы все – ниц! Я сказал – ниц!

Да, я своей собственной рукой убил каждого из этих разжиревших подонков, трупы которых я милостиво разрешаю вам захоронить, хотя, по правде, приبلудным собакам бы сожрать их гнилое мясо.

Почему вы не плачете о ваших мужьях и сыновьях, сложивших свои головы там, на востоке, либо сгинувших в беспощадных морях западных земель? Я вернулся один, но каждого из них я помню поимённо. Голова моя седа, потому что скорбным пеплом я осыпаю её в память моих погибших товарищей, и ничем не насытить скорбь мою. На мне их кровь, на мне же и их слава. Тяжела эта ноша, но вам ли понять?

Жена, выйди из дома, яви свой чистый лик этой многолюдной дряни.

Она медленно спускается со ступенек царского дома, одетая, как новобрачная, в лиловые одежды. Он становится перед ней на колени, целует её сандалии, поднимается.

– Простишь ли ты мне разлуку, утраты, горечь унижений?

– Нет, не прощу.

– Чем я могу искупить свою вину? Умереть? – Но я многожды умирал. Остаться и царствовать? – Но ведь это давно уже не моё царство. Просто любить тебя? – Прошло двадцать лет... Ты меня вспомнила прошедшей кровавой ночью – и только. Знаешь, жена, за мною числится много грехов, но вот один из них я ношу в себе, как женщина на сносях, которая никак не может разродиться.

– Говори.

– Было предсказание: первый, кто сойдёт на вражескую землю, умрёт в этом же бою. Ты знаешь мой отчаянный характер. Первым был я. Противники мощной стеной оцепили всё побережье, и не только первому, но и десяткам других суждено было пасть в этой схватке. А берег-то скользкий: глина... Я швырнул свой щит, спрыгнул прямо на него и стал так яростно махать мечом, что противники пришли в смятение. Мне на подмогу бросился окрылённый мальчишка, а потом уже все остальные. Паренька убили. По слухам, его жена, с которой он и первой брачной ночи не провёл, вымолила у богов единственное свидание с воскрешённым

лишь на одну ночь героем... Знаешь, я почему-то считаю себя виновным в его смерти и в безумном самоубийстве его жены. Знаешь, мне кажется, наше ночное свидание – это встреча двух теней, случайно узнавших друг друга в угрюмых дебрях Аида. Наш сын будет царём – добрым, справедливым, милосердным... История забудет о нём – и это правильно: история любит только злодеев.

А вы – вы лежите, лежите, пока ещё я ваш царь. Теперь поднимите головы. Посмотрите внимательно на моего сына. Приложите правую руку ко лбу, а левую – к сердцу. Повторяйте за мной: «Ты наш царь. Будь благословен». Теперь сами, без меня – три раза. Хорошо. Теперь – вон отсюда. Заройте вашу мертвечину так глубоко, чтобы гарпиям лень было докапываться до этой смердящей падали.

Он оборачивается, чтобы вернуться в дом. В спину ему летит несколько стрел, большинство – мимо, одна попадает в бедро. Он выдёргивает её из раны, оборачивается. Вокруг пусто – людей как не бывало. Он усмехается, отрывает кусок ткани от одежды, бинтует рану и прихрамывая идёт уже не домой, а к морю. Странная улыбка на лице – он понимает, что его ждёт последнее путешествие.

«Ну, вот и всё. Поехали!» – произносит он вслух, поднимая якоря и расправляя паруса. Он трезво понимал, что жизнь, собственно, состоялась. Ясно, что за двадцать лет многое изменилось и не ему, старику, возвращать образ жизни к привычному ему образу жизни.

Едем, едем на запад!

Я там был. Там была чаровница, умевшая своей улыбкой преобразать этот нелепый и безликий мир. Сама она была красивой, а всё, что её окружало, менялось и скользило по её воле. Я жил с ней целый год – может, больше, может, меньше, – и она показала мне невысказанную красоту этого изменчивого мира. Я увидел, как алые розы превращаются в синие, как жёлтая пустыня становится ласковым сосновым бором... «Ты только люби меня, – грустно шептала она. – А если разлюбишь – не забудь. И ещё. Не уезжай: назад дороги не будет. Даже с нами, бессмертными, всё даётся вам, смертным дурачкам, только единожды».

Он, раздувая паруса на запад, вспоминал её слова.

Он до крови кусал губы, когда покидал её. Он никогда не забудет, как она махала рукой вслед его кораблю, уходящему на невозможный восток.

Не лицо, не фигура, а именно её рука отчётливо предстала в его мысленном взоре.

Странно, но ему показалось, что он бредит, что всё это было иллюзией, мечтой о несостоявшемся счастье, которого он лишился, уехав от семьи. Ради чего – подвигов? Страданий? Неоправданных кровопролитий? Может, не стоило возвращаться? За двадцать лет там сложились какие-то свои отношения, а я приехал и в одночасье всё нарушил... Но ведь они слушались меня. А если бы приехал не я, а кто-то, перебил бы женихов моей ещё не вдовы и сказал примерно те же слова перед этой толпой... Кстати, предварительно переспав с моей ещё не вдовой. Может быть, я – это не я, может быть, это тот самый погибший мальчик, чьё имя и чей образ не дают мне покоя?

Они удивились, когда я вернулся. Столько лет прошло. Всё изменилось. Какой я царь? Я же ничего не знаю о текущем состоянии политико-экономических дел. Кого спросить? – Соврут, определённо соврут. Пусть – сын. Он всё-таки мой, к тому же знающий нынешнее положение в нашем царстве. Хотя откуда ему знать? Он всю свою сознательную жизнь промотался по морям в поисках меня. Так и не нашёл.

Может, зря я убил всех этих «женихов»? Кто-то из них стал бы хорошим царём, добрым...

На запад, на запад!.. Наверно, я схожу с ума, что не странно в моём одиноком состоянии, но я вижу ещё одну руку, поднятую, как маяк. Восемь лет подряд эта рука ерошила мои седеющие кудри, ласкала моё тело, не просто обещала, а дарила мне бессмертие. Одинокая и прекрасная, всю жизнь ожидавшая чудесного появления смертного человека... Я оставил её ради жены и сына. Я бросил её – трусливо, ночью, после горячей страсти. Я глядел назад и видел, как она бросается в воду и плывёт вслед за моим утлым плотом, который я на её глазах, а не в тайне мастерила на протяжении всех этих долгих лет.

Меня зовут те, что любили. Моя любимая честно дождалась, но не зовёт. На запад, на запад!

Миражи. Болтовня. Один. И море – винного цвета море. На запад – в страну благоухающих асфоделей, в страну людей, с которыми дружил и которых любил, а они – меня.

И море подняло волну. Волна дошла до небес и на мгновение остановилась. Его чёлн стал биться о водную стену, но та была как камень. Его жилы рвались – так упорствовал он: лишь бы прорваться сквозь эту стену. Когда чёлн окончательно превратился в нелепые щепки, прозвучал (или так послышалось) мягкий, отеческий голос: «Дважды на запад смертный не возвращается».

Волна схлынула, завертелась клубком, швырнула его на какую-то сушу.

Больно: всё тело разбито о камни. Он присел. Море ласково трепетало у его ног. Первая мысль: «Жив». Сразу же – вторая: «Где я?» Тут же третья: «Пожрать бы».

Но четвёртая мысль была назойливым продолжением второй. Он встал, прошёлся по берегу и понял, что здесь серая каменная пустыня и никакого человеческого присутствия.

Тем не менее третья мысль неотвязно терзала его нутро. Морская вода была чиста и прозрачна. Вялые рыбы стояли у берега, небрежно помахивая плавниками. Он осторожно опустил руки в воду, схватил рыбину под жабры и смело выбросил на прибрежные камни. Потом он таким же образом выловил ещё несколько штук. Было ясно, что есть их придётся сырыми, но... Валяющиеся на камнях рыбы начали густо смердеть и на глазах превращаться в бесформенное пузырящееся месиво. Он поймал ещё одну, желая сожрать её тут же. Как только он поднёс её ко рту, рыба посмотрела на него таким угрожающим взглядом, что он растерялся и спросил: «Что ты хочешь?» Та мягко выскользнула из его рук, плюхнулась на берег и благополучно стала, как и предыдущие, гнить в своих миазмах.

«Пошли», – скомандовал он сам себе, надеясь, что где-нибудь встретит человеческое жильё. Пройдя пару сотен шагов, он понял,

что в жизни важнее всего ноги. Из остатков просоленных тряпок он сделал себе кое-какие чуни и двинулся дальше по раскалённой каменной пустыне.

Он поначалу кричал. Потом перестал. Затем он понял две простые вещи. Во-первых, ему захотелось спать, во-вторых, спать здесь невозможно: солнце не заходит, жара не спадает, тени не найти. Можно, конечно, вернуться к морю, но – уже так далеко ушёл...

Странная пустыня. Ни растений, ни насекомых, ни птиц в бесцветном небе. Ветра тоже нет – только жара и камни повсюду. Я ведь прошёл через западные земли, я ведь видел и пережил пламя, мороз, топи, поганых пожирателей живой плоти... Я слышал там, в западных землях, волшебные голоса, чарующие, зачаровывающие... Я схожу с ума. Нет-нет-нет – не схожу. Нельзя сходить – надо идти. У меня есть цель. Есть? Да! Я привык побеждать своими мускулами и своим же хитроумием. А здесь некому продемонстрировать ни того ни другого. Забавно.

Я уже понял, что это ад. Но ведь мне хотелось бы всё-таки убедиться, что я умер. Что я болтаю?.. Устал, наверно.

Я тебе скажу по секрету: я никогда не умру. Я пересеку эту скучную пустыню и погляжу в твои лукавые глаза. Ты сделал из меня своего двойника – всемогущего гения, который вершит судьбы людей мыслью, словом и, естественно, надёжной, крепкой рукой. Теперь я понимаю, за что мне все эти испытания: ты боишься меня. И ты – в тупике: если я схохну, то твой замысел будет глупым, а ты же не умеешь быть дураком. Если я выживу, то, значит, я сделаю тебя по полной программе – и кто ты после этого такой? Плевал я на те подвиги и муки, к которым ты меня приговорил! Сдаёшься? Сдаёшься?!

Не сразу, часов через пять пути, едва-едва повеяло дымком – запахом домашнего очага. Он усмехнулся – гордо и горько – и пошёл, как собака, на запах. Чем ближе, тем тлетворней.

Если дым, то еда и ночлег. А главное – кровля. Если дым, то люди. Ведь только люди изобрели искусство жечь. И вот теперь, в двух шагах от пепелища, он позволил себе крикнуть беспомощное: «Спасите!» – упал на камни и пополз, раздирая в кровь локти и колени.

Дым всё ближе. Запах всё гаже. Ни людских, ни даже собачьих голосов.

И вот наконец-то он всё понял. По левую руку перед ним раскинулось тёплое и спокойное море винного цвета, ласково журчали речушки и ручейки, шаловливо и нескромно забираясь в необъятное, доброе, ласковое солоноватое лоно с его подрагивающими водорослями.

Людей не было. Стояли останки мёртвого тлеющего города, некогда великого и прекрасного.

Он узнал этот город – ещё бы не узнать! И тут он первый раз в жизни заплакал – тихо, как младенец. Запоздалым эхом до него доносилось слово: «Сдаёшься?», – и он шёпотом ответил: «Да, сдаюсь».

Он посидел на берегу ручья, с тихим умилением глядя на чистую струящуюся воду, в которой уже не отыскать nereид, омыл обожжённое лицо, встал, двинулся было в сторону смердящего гарью города, резко одёрнул сам себя и бодро пошёл прочь, выкрикивая: «Не сдамся!»

А там от берега наползает туман с моря. Мираж это или боги распорядились – посреди моря внезапно выросла гора в виде конуса, и её очертания колышутся в винного цвета мареве.

Он бросается в воду, плывёт к этой горе. Та отдаляется, но не исчезает. Спалённого прибрежного города уже не видно.

Он всё-таки догоняет лукаво ускользящую гору. Цепляется за прибрежные водоросли. Вскарabкивается на кусочек суши и горько дышит. Отдышавшись, оглядывает гору: на этот конус не взойти, слишком всё гладко и отвесно. Обойти вокруг? Нет – только оплыть: по скользкому и почти вертикальному подножию ходить невозможно.

Но вдруг где-то есть пологий пляж или пещера?..

Он, цепляясь за прибрежную траву, полуплывёт, полуползёт вокруг странной горы-острова.

Шум, потом гул, потом невыносимый вой. Гора медленно кренится и, падая в море, превращается в воронку. Он, судорожно держась за то, что росло у основания горы, понимает, как высоко

этот переворот горы выбросил его вверх. Руки отрываются от убогих водорослей; он с диким криком взлетает в воздух и падает в ту самую гигантскую полую бурлящую воронку.

Море спокойно. Ничего не было. Никого не было. Остался смутный рассказ о человеке, сказавшем: «Не сдамся!»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе этой книги и о ней самой	3
От автора	9

ПРОЛЕГОМЭНЫ К ПРОМЕЖУТОЧНОМУ ТЕСТАМЕНТУ

Всякому своя стезя... ..	13
предоставьте тело... ..	15
все окружающие боги... ..	16
я так тебя любил – пока... ..	17
Huitain	18
Своё.....	19
вот она... ..	20
так светло... ..	21
бесконечно дымится... ..	23
как только умерли наши дети... ..	24
дурочка дурявая... ..	25
в счастливое детство... ..	26
четыре луны за окном... ..	27
карандаш стирается... ..	28
человек имеет право... ..	30
за наброском... ..	31
Ты зачем, мил человек, плачешь?	32

Паровоз уже не гудит...	33
я был юным...	34
Я поеду в дальний город...	36
кто только ко мне...	37
никто не остаётся...	38
Агасфер	39
я тайком исключаю...	40
у меня за окном...	41
И лодка, волнами шурша...	43
тихо тлеет сам не свой...	45
времена скучаются...	46
корявые корявые...	47
я тоже жил среди...	48
Звёздочек в небе чистом...	50
кортеж Орфея...	51
шумит...	53
Козёл неутешный	54
Дюймовочка	55
душ у Даши...	63
Басня	65
Стихотворение, сопровождающееся весьма глубокими социокультурными комментариями	67
Гимн демократической молодёжи	68
Сам знаю	69
Бог на полочке в шкафу...	71
Из	72
Пора бы забыть о своей старине...	73
Темна людская натура...	74

американские сигареты...	75
ласковая курица...	76
Из цикла	
у меня всё тот же я сам...	78
удивительно...	78
комната осталась...	79
на бульварном кольце...	79
дерево...	80
слёзы горячие...	80
что бывает добрым...	81
Сонет	82
Колыбельная	83
А про себя мне нечего сказать...	84
Вот он – Иов на гноище...	85

НЕМНОГО ПЕРЕВОДОВ

Фрэнк Белнап Лонг

Рыцарь из Ламанчи	90
Человек из Генуи	91
Пираты	93
Волхвы	94
Старая история, рассказанная по-новому	95
Экзотические поиски	98
Предвидение	100
Станцы, посвящённые маэстро Франсуа Вийону	101
Женитьба сэра Джона де Мандевилла	102
Великая Астарта	106
Старушка рассказывает	107

Эдвард Эстлин Каммингс	
Orientele	109
я говорил тебе...	109
моя любовь...	110
послушай...	111
тебе я...	114
тощие свечи голодают в...	115
император...	115

PRO = ЗА (ИЗБРАННОЕ)

[Авторское предисловие]	124
Рассказ	125
День	157
Про одуванчики	171
Стул	173
Колхоз	175
Конспект	177
Зачем	182
Рассказ о конченом	185
Дебри	192
День IV	195

Ефим Павлович Беренштейн

ВЕЩАЛЬНОЕ

(шестая книга)

Редакторы *А. Г. Степанов, Р. Е. Кузина*

Корректор *И. Г. Чижикова*

Верстка *Н. Е. Красикова*

Издательство «СФК-офис»

г. Тверь, ул. Вольного Новгорода, 5

E-mail: liliyaprint@yandex.ru

Подписано в печать 30.09.2024

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Arno Pro

Объем 13 п. л. Тираж 150 экз.

